

ФИНСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР, ПЕРЕВЕДЕННЫЙ НА 8 ЯЗЫКОВ

МИИКА НОУСИАЙНЕН

ПЕРЕЗАГРУЗКА

«Современная лирическая комедия о самых сложных жизненных вопросах и удивительно простых ответах на них»

Анастасия Ханина, главный редактор ReadRate

Миика Ноусиайнен
Перезагрузка

Издательство "Livebook/Гаятри"

2020

УДК 82-3
ББК 84(4)

Ноусийнен М.

Перезагрузка / М. Ноусийнен — Издательство "Livebook/
Гаятри" , 2020

ISBN 978-5-907428-27-0

Знакомьтесь – Сами, ему почти сорок, и он так отчаянно мечтает о детях, как не мечтает даже его мать, грезящая о внуках. Но, как известно, папой не станешь, пока не отыщешь подходящую маму. К сожалению, пока ему так и не удалось построить прочных отношений, а та девушка, с которой он встречается сейчас, считает, что они еще «не настолько близки», чтобы пойти на похороны его отца вместе. Герой понимает, что пора переходить к решительным действиям, но как изменить жизнь, в которой, казалось бы, все против тебя?

УДК 82-3

ББК 84(4)

ISBN 978-5-907428-27-0

© Ноусийнен М., 2020
© Издательство "Livebook/
Гаятри" , 2020

Содержание

Сами	6
Маркус	11
Сами	15
Сейя	18
Сами	19
Песонен	21
Сами	24
Хенна	27
Сами	30
Хенна	41
Сейя	44
Песонен	46
Маркус	48
Сами	51
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Миика Ноусиайнен Перезагрузка

Original edition published by Otava Publishers, 2020

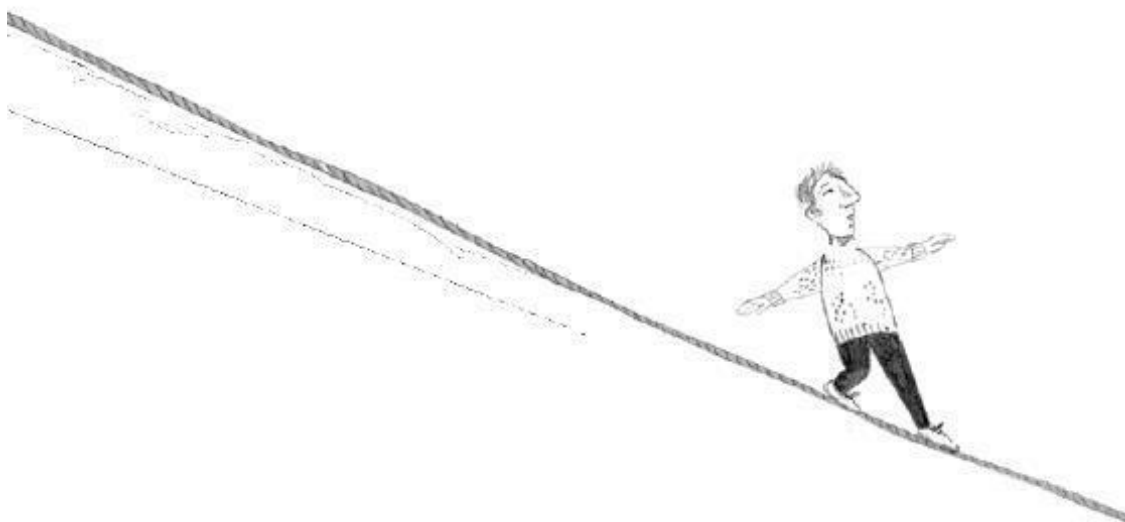
*Russian language edition published by agreement with Miika Nousiainen and Elina Ahlback
Literary Agency, Helsinki, Finland*

*Книга переведена при поддержке Агентства по финской литературе FILI (Finnish
Literature Exchange)*

Дизайн обложки: Otava Publishers

Адаптация обложки для издания на русском языке Анастасии Ивановой

Original text copyright © Miika Nousiainen & Otava Publishers, 2020

© Иван Прилежаев, перевод на русский язык, 2021

© Livebook Publishing House LLC, оформление, 2022

Перевод с финского языка Ивана Прилежаева

Сами

*Оседлай тигра
Ты можешь видеть его полосы,
но ты ведь знаешь, что их нет
О, ты же понимаешь, что я имею в виду*

Ронни Джеймс Дио¹

- Соболезную.
- Спасибо. Спасибо большое.

Отец был заядлым болельщиком и всегда говорил, что главное – болеть, желательно сообща, а кто победит не так важно. И вот его мечта сбылась. Все со-болезнают. Никто не побеждает.

Мы стоим с моей мамой Сейей, сестрой Хенной и ее мужем Эсой под палящими лучами солнца перед входом в церковь и принимаем соболезнования. Отец взял да умер без предупреждения. Сердце подвело. На похоронах должны присутствовать самые близкие и любимые. И даже о них я ничего толком не знаю. Так как же, спрашивается, мне построить близкие отношения с какой-нибудь совершенно незнакомой женщиной?

Ну вот, к примеру, моя подруга Йенни. Она на похороны идти не захотела. Видимо, наши отношения еще не достигли похоронного уровня. Ну а какого достигли – крестильного, помолвочного, свадебного? Вряд ли. Мы вместе ездили в Париж, однажды были на новоселье и ходили в хозяйственный магазин. Однако до похорон нам еще далеко.

Из-за отказа Йенни пойти со мной на похороны отца, я стою перед собравшимися родственниками в одиночестве. В глазах каждого из них читается одно и то же: экий бедолага, неужели он до сих пор не сумел найти себе девушку? Что тут возразить – в моем возрасте у человека уже должна быть семья.

Ко мне подходит какой-то родственник со скорбным выражением на лице, кладет руку на плечо, а другой рукой крепко сжимает мою ладонь.

- Соболезную.
- Спасибо.
- Ваш отец был хорошим человеком. Держитесь.
- Держимся, держимся.

Один за другим текут в неспешном потоке смутно знакомые, опечаленные лица.

- Твой отец был прекрасным человеком.

Почему же он так ловко скрывал это от нас? В первую очередь, от мамы. Если уж он был таким расчудесным, то за сорок лет мог бы раскрыться перед нами. Почему-то его замечательные качества были сразу заметны посторонним, но с близкого расстояния отец вовсе к себе не располагал. Конечно, он не был и монстром, но мог бы хоть раз дать нам понять, что мы, в общем-то, не самые плохие на свете люди.

Я безразлично киваю другому родственнику, который нахваливает моего отца. Боковым зрением стараюсь следить за состоянием мамы. Похоже, напрасно беспокоюсь. Если уж она на протяжении десятков лет выдерживала брак с таким человеком, каким был мой отец, то выдержит и одни похороны. Мама впервые в центре внимания. Теперь она вдова, все взгляды

¹ Из композиции «Святой ныряльщик» американского рок-музыканта Р. Дж. Дио (1942–2010). – Здесь и далее примеч. переводчика.

обращены на нее. Всю жизнь мама старалась быть незаметной. Когда приходили гости, она перекусывала в уголке на кухне. Только следила за тем, чтобы всем было хорошо и тарелки не пустели. А теперь она в роли человека, у которого спрашивают: «Ну как ты?»

Вот последние провожающие устроились на деревянной церковной скамье. Они сидят подчеркнуто молча и листают Псалтирь. Ищут псалмы, номера которых написаны на доске перед алтарем, пробегают глазами – знакомы ли им эти строки? Там про ангела, как он ведет младенца домой через лесную чащу. Любимый псалом отца. Его душа с нами. Он и был таким – человеком, бредущим через земные кущи не разбирая пути.

Мы идем по центральному проходу мимо пришедших проститься, направляемся к пустым местам в первом ряду. За нами сидят родственники, друзья и соседи в каком-то подсознательно определенном порядке родства и близости. Сосед приоритетнее дальнего родственника, но дальний родственник ближе приятеля-болельщика или коллеги.

Священник говорит, что Мартин верил в труд, справедливость и Бога. Наверное, так и было. Но назиданий отец не любил. Хотя мама иногда все-таки решалась тихонько сказать ему, что не стоит так много курить. И есть столько масла.

Мартин всегда думал, прежде всего, о других, продолжает священник. Ну, это уже полная чепуха. Матери он определил место в углу на кухне, а нам не уставал бесконечно ставить в пример соседских детей. И откуда только у пастора такие точные сведения о каждом своем прихожанине? Наверное, священникам остается полагаться на интуицию, когда они произносят торжественные речи, и надеяться, что догадки попадут в цель. В их положении – плохой тон критиковать покойника. Возлюби ближнего своего...

Странно, но я как-то ничего не чувствую. А должен бы... Даже «Траурный марш» не может пробиться сквозь мою защитную скорлупу. В нашей жизни бывают дела и более грустные, чем смерть отца. Пожалуй, что так. Мне уже скоро сорок. И никаким потомкам пока что как-то неоткуда взяться. День похорон легче пережить со своей семьей. Дети дают ощущение продолжения. Хотя это продолжение – все равно жизнь, которая когда-то закончится.

Мы опускаем венок на белый гроб. Мама почтила память отца, выбрав не самый дешевый, а чуть подороже. Отец не уставал повторять: никогда не покупай самое дешевое. Бери следующее по цене. Никогда не будь самым плохим, Сами. Будь капельку лучше.

Я придерживаю маму под локоть, когда она начинает рыдать у гроба. Ей сложно себе вообразить, что того, кто бесконечно допекал ее своими советами, больше нет и теперь придется думать самой. Я такое даже представить не могу: мои самые долгие отношения длились чуть больше года. За это время вырабатывается, скорее, раздражение, чем привязанность.

Хенна зачитывает эпитафию, которую мы выбрали потому, что она меньше всего вводит в заблуждение относительно личности усопшего. «Недвижно покоятся надежные и натруженные руки, вечным сном объята голова отца». В этих строках нет ничего особенного, но они удивительно попадают в цель. Отец работал руками и был прилежным трудягой. Он всегда гордился своими запасами дров и плотницким мастерством.

С мужем сестры отводим маму к ее месту на скамье. Хенна протягивает ей бумажные платочки и легонько похлопывает по спине. Это уступка со стороны сестры. Они с мамой не общаются. Я пытался осторожно выяснить, что за кошка пробежала между ними. Хенну, похоже, бесит, что при каждой встрече мама заводит разговор, как ей хотелось бы быть бабушкой – «вон у Синикки уже внуки».

По словам сестры, тут дело в мелких нюансах, но мама все делает через задницу, поэтому так оно и получается. Возможно, со временем ситуация утрясется. Время – лучший лекар. В нашей семье об этом знают не понаслышке. Мама просто несдержанная, но никому не желает зла. Хорошо, что сестра на похоронах сумела забыть о ссорах.

После нас цветы возлагает отцовский брат со своими домочадцами. Затем папина старшая сестра с детьми и внуками. И младшая сестра с мужем, детьми и внуками.

Все идет как по маслу. Несколько шагов к гробу. Возложение венка. Прощальные слова. Поклон в сторону покойного, кивок родным и возвращение на место. После родственников наступает очередь отцовских коллег по работе.

У отца был один работодатель и одна жена – незамысловатая, как единица, жизнь. Детей, правда, двое, а инфарктов – три, последний его и убил. В отцовском поколении все просто. Не обязательно весело или хорошо, но – просто.

Бывший начальник отца нервничает, опуская венок. «С благодарностью за прекрасные годы, трудовой вклад и дружбу, Мартти. Работники компании „Кровельные работы Йокинена“».

Отец был строителем. Занимался конкретными вещами. А на эмоции времени не оставалось.

Дальше наступает очередь моих товарищей. К алтарю выходят мои друзья детства Маркус и Песонен. С Маркусом трое его дочерей. Он воспитывает их один. Жену Маркуса семейная жизнь достала до печенок. В результате у нее развилась тяжелая депрессия, и она просто сбежала. Теперь Маркус пытается справляться в одиночку.

Младшая дочка Маркуса не решается приблизиться к гробу и остается реветь перед алтарем. Старшая послушно держит отца за руку и помогает ему зачитывать прощальное стихотворение. Однако декламация прерывается, когда Маркус бросается в сторону ризницы догонять среднюю дочурку. По дороге он умудряется сшибить пять свечей и заодно разрушить мечты некоторых из присутствующих о многолетней семье.

Дети – это богатство. Не знаю, думает ли так же мой товарищ, не по своей воле оставшийся отцом-одиночкой. Если это богатство, то, может быть, лучше оставаться бедным. Песонен берет младшенькую Маркуса на руки и стойчески ожидает у гроба.

Маркусу удается поймать дочь в середине зала. Он тащит в руках извивающегося пятилетнего ребенка обратно в алтарь. И наконец произносит поминальную фразу: «Я разрешу тебе лишний час поиграть на планшете, черт тебя подери, если ты дашь мне минуту покоя. Покойся с миром, Мартти Хейнонен. Маркус с семьей». Маркус вежливо кланяется гробу, сочувственно кивает нам, как того требует этикет, собирает детей и намеревается уже отойти в сторонку, когда средняя дочка весело заводит:

– Хорошо, что ты умер! Хорошо, что ты умер!

Маркусу не удается заставить ее замолчать. Проходя мимо, он бросает нам извиняющийся взгляд и тащит детей прямо к выходу из церкви.

Дальше наступает очередь Песонена. Его родители давние друзья моих, но состояние их здоровья не позволило им посетить траурную церемонию. Долгая болезнь в итоге оказывается сильнее долгой дружбы.

Песонен дрожащим голосом произносит: «Покойся с миром, давний сосед и хороший друг, Мартти Хейнонен, вечная память. Семья Песоненов». Затем он опускается на колени, чтобы возложить венок на крышку гроба. Пиджак у Песонена слишком короток, а брюки – сползли, поэтому его задница во всем великолепии предстает перед взглядами сидящих в зале. Некоторые из присутствующих не могут сдержать улыбки. Другие опускают глаза в пол, чтобы не видеть открывшейся картины. Такими уж Господь сотворил нас, со всеми нашими недостатками и задницами. И каждая задница равна перед Богом.

У Песонена есть темы для размышления поважнее, чем торчащие из штанов ягодицы. Он работает системным администратором, но в последнее время родители требуют от него больше помощи и внимания, чем любой самый капризный компьютер. «У компьютера есть хоть какая-то логика», – сказал Песонен, когда я спросил, как дела у его родителей.

Мы переходим в поминальный зал закусить. Семейные мероприятия в нашем роду, веселые и грустные, всегда идут по одной программе. За столом обсуждают, кто какой дорогой добирался, были ли по пути пробки, во сколько обошелся бензин и почему же так дорого. Потом переходят к рагу по-карельски. На прошлой неделе праздновали свадьбу моей двоюродной сестры. Были те же люди, такая же еда и, в значительной мере, то же настроение.

На поминках одной тарелкой на столе меньше. И то сказать – хозяевам облегчение. От героя торжества на похоронах уже ничего не ждут, да и программа развлечений скромная.

Отцовских сестер и брата усадили за наш стол. Уж у них-то воспоминаний про папу хоть отбавляй. И все одно и то же дерьмо. Старшая папина сестра Элси не стала дожидаться десерта и сразу перешла к делу. Она посмотрела на нас с сестрой.

– С вашего папки-та получился бы славный дедулька.

Я вежливо киваю. С какого дьявола он стал бы хорошим дедулькой, если все его отцовские достижения ограничились строительством причала и тем, что он изводил близких?

Вижу, сестренка моя закипает от ярости. У нас с ней не принято говорить о неприятном, но я думаю, что они с мужем давно уже стараются сделать ребенка. И мама пристаёт к ним с этим при каждой встрече.

Обстановка накаляется. Это не мешает другой отцовской сестре развивать тему. И она обращается ко мне:

– Ну а ты чаво, еще не нашел себе подружку-та?

– Не нашел. Нет.

– Ну хотя бы предпринимал попытки-та?

– Предпринимал.

Я уже двадцать лет только и делаю, что предпринимаю попытки. Финский союз предпринимателей должен был бы вручить мне вымпел и диплом за эти старания, которые принесли лишь мимолетные встречи и пустые надежды. Недаром некоторые говорят, что Финляндия не лучшая страна для предпринимательства.

Затем тетя переключается на мою сестру:

– У Хенны и Эсы-та все есть, чтобы ребенка смастырить. Своя квартира, работа, отношения крепкие.

Хенна ничего не отвечает. Муж Хенны, Эса, тоже молчит. Довольно неловкая ситуация для не самого близкого родственника. Он тут ни при чем. Вся вина Эсы лишь в том, что он полюбил женщину, не зная о ее душевной родне. Никто ведь не предупреждал его об этом на первом свидании, хотя и стоило бы.

Тетя продолжает еще более бестактно:

– Эса, это в тебе, может, дело-та? Детей-та настрогать у нас в роду ни у кого не ржавело-та.

Тетин муж, главный юморист в семействе, приходит Эсе на помощь:

– Может, зайти показать тебе как это делается? Хе-хе-хе.

Вот она, последняя капля. Хенна встает и тянет мужа за собой. Мама пытается восстановить мир:

– Хенна, ты должна зачитать соболезнования...

– Засунь их себе в задницу!

– В какую еще задницу?

– В жопу.

Тут к разговору снова подключается тетя Элси:

– Хенна, ну-ка прекрати, как ты смеешь на похоронах отца такое говорить-та.

– Тебе надо было думать прежде, чем рот открывать.

– Я просто спросила о прибавлении в семействе...

– И какого черта, скажи, ты суешь свой нос в мои дела? Я же не спрашиваю, кто из вас следующим помрет. Веду себя прилично.

Тетя Элси еще пытается защищаться.

– Ну, это уж совсем нехорошо-та. Папашка твой был-та всегда что надо вежливый, толковый мужик-та.

– Хватит глупости молоть, никогда он о приличиях не думал. Разве что ему временами просто надоедало всех изводить.

Я пытаюсь удержать Хенну, но это бесполезно. Она хватается с вешалки пальто и в бешенстве выскакивает вон. Эса сконфуженно семенит следом. Пастор, сидящий за нашим столом, пытается сказать что-нибудь конструктивное:

– На крутых поворотах жизни всегда бушуют страсти...

Вмешивается мама:

– Никогда у нас в роду не было заведено свои чувства напоказ выставлять.

Она своим комментарием попала в точку. Проблема именно в том, что этого в нашей семье никогда не делали. Все негативные эмоции было принято запрячивать поглубже. И когда-нибудь нам придется за это заплатить. Либо у психотерапевта, либо за праздничным столом. Или поминальным.

Я сам себе кажусь печальным недоразумением. И не хочу, чтобы родственники напоминали мне об этом. Просто они люди другого поколения. Раньше было принято брать в невесты сносную девушку из своей же деревни, да и жить с ней.

Возможно, такой вариант не хуже сегодняшнего, когда мы всё бесконечно обдумываем. На первых свиданиях подружки кажутся мне именно теми, кого я ищу. То есть будущими мамами моих детей. Однако в действительности все складывается непросто. Человек устроен гораздо сложнее. Может быть, судьба сводит нас в неудачный момент. Или даже в удачный. Однако какое-то ерундовое обстоятельство вдруг все портит, и выясняется, что мы не можем быть вместе.

Я во всем виню надежду. Стремление человека кормить себя надеждами. Однажды я купил футболку за сто евро – просто поддался желанию. Затем попытался понять, почему же она столько стоит. Качество? Ничего особо качественного в ней не было. Мода? Ничем не примечательная футболка. Этичность? Пожалуй. Остается надеяться, что она произведена с соблюдением этических норм и без вреда для окружающей среды. Не обязательно это так, но не исключено, есть надежда.

Все держится на надежде. Человеку хочется надеяться на лучшее. Неважно, идет ли речь о сверхдорогой футболке или потенциальной жене. Когда я полагаюсь на надежду, то всегда впадаю в отчаяние. Наверное, и мама сорок лет возлагала надежды на свою семейную жизнь. Но это о другом. Мы – семья, члены которой не могут и слова сказать друг другу, чтобы не обидеть.

Уход Хенны с поминок, конечно, произвел на всех удручающее впечатление. Присутствующие быстро закидали в себя торт с клубникой и залили его кофе. Потом они подходили по одному, чтобы повторить утешительные слова, садились в машины и уносились по шоссе номер четыре – бензин оставался неоправданно дорогим, но зато сегодня на дороге не было пробок.

Мои друзья Маркус и Песонен сидели до самого конца. Маркус наслаждался тем редким случаем, когда дети нашли себе в соседней комнате какие-то занятия по душе и их отец мог наконец-то не спеша доесть десерт. А Песонену было просто хорошо от того, что он хотя бы немного отдохнул от своих родителей.

Я предложил ребятам выпить. Они бы и не прочь, но у Маркуса для отказа было целых три причины, разбегающиеся в разные стороны. А Песонен спешил домой, чтобы помочь отцу. «У каждого из нас свой крест», как сказал пастор, и, похоже, он прав.

Маркус

Уходя с поминок, прощаюсь с Сами и еще раз прошу прощения за неудачную импровизацию Сюльви – песню «Хорошо, что ты умер». Сами смеется.

– Ничего. Действительно прилипчивая песенка. Она у меня до сих пор в голове крутится.

– Я хотел извиниться именно за слова. Мелодией обидеть трудно.

– Не уверен, что и на слова в этом случае стоит обижаться. С отцом у нас жизнь была не сахар. Эта песня, может быть, даже и к месту пришлась. А мама успокоится, Сюльви ведь не со зла.

Опять был тяжелый день. Хотя легких давно уже не случилось. Похороны, скорее, внесли хоть какое-

то разнообразие в наше привычное существование. Хотя бы один день не надо готовить еду и заниматься уборкой.

Родительские заботы – это тяжелый груз, даже когда его делишь на двоих. А каково одному! Есть множество способов сделать жизнь детей несчастной. Хотя родители часто преувеличивают свои возможности испортить будущее собственному потомству.

Иногда я злюсь на мою жену Саллу за то, что она сбежала от этой круговерти. Потом напоминаю себе: Салла – больной человек. Надо понимать, что депрессия – это болезнь. Но мы с дочками страдаем из-за этого даже больше, чем сама пациентка.

Человек может быть счастливым или несчастным в любых жизненных ситуациях. Счастье наверняка определяется не тем, есть дети или нет. Я не лентяй, но разок, пожалуй, хотел бы побыть героем праздника. А что, лежишь себе в гробу и ничего не делаешь.

Послал текстовое сообщение матери Сами, попросил прощения за песенку Сюльви. Она ответила: «Дети такие непосредственные. Молодец, что взял девочек с собой. У нас-то пока внуков нет».

Непосредственные, это точно. «Хорошо, что ты умер». Я знаю, откуда это взялось, но в той ситуации объяснить было бы трудно. Перед уходом на похороны Сюльви спросила:

– А что там делают?

Сказал ей, что на похоронах поют.

– А-а-а, грустные песни?

– Может быть, и радостные.

Такие что ли: «Хорошо, что ты умер»?

Песню она сама сочинила. В наше время родителей призывают развивать и поощрять творческие начинания у детей. Даже если это насмешка над памятью об усопшем.

Сами очень скептически относится к своим родителям. А я что угодно отдал бы за таких предков. По крайней мере, у них было время и желание капать ему на мозги. Это уже немало.

Моя мама никогда не работала, но у нее все равно не находилось на меня времени. Мной занималась няня. Мама была домохозяйкой и проводила время в кафе в центре города и в магазинах одежды. Впрочем, она возглавляла общество любителей фигурного катания. От должности председателя мама отказалась всего пять лет назад после того, как переехала жить во Флориду. Мама и отца заставляла ходить на заседания правления общества и выслушивать мнения родителей об одаренности своих детей.

Мама мечтала о дочке, которая увлекалась бы фигурным катанием, но Бог не послал ей такого счастья. И это было грехом бедной неродившейся девочки. Мамины представления о том, что значит быть хорошим родителем, строились на монархической традиции. Она восхи-

щалась принцессой Эстель² в ее прелестном шерстяном пальто. «Как прекрасно ребенок умеет двигаться и улыбаться на камеру!»

Если бы мои дети были королевских кровей, то монархия немедленно рухнула бы. Мать всегда считала себя лучше других. Она возражала против моей дружбы с Сами и Песоненом, поскольку они «не из тех семей». «Не из тех» означало «из бедных». У самой матери не было никаких благородных корней, и уж тем более она не была обременена культурой. Просто вышла замуж за богатого человека. Черт побери! Кстати, ее девичья фамилия Мяхёнен³.

Со стороны матери несколько неприлично давать оценки другим, когда можешь наблюдать за людьми только в кафе за чашкой кофе и всячески избегаешь встреч с рабочим людом. С Сами и Песоненом мы просто жили неподалеку, так получилось случайно. Дети ведь не замечают классовых различий между жителями коттеджей и многоэтажных домов.

По части воспитания маму интересовал только конечный результат, но не сам процесс. Поэтому меня она полностью перепоручила няне. Пару раз она брала к себе с ночевкой внучек, то есть моих детей, и все оборачивалось полной катастрофой.

Она закармливала детей конфетами, не следила за тем, чтобы они чистили зубы, и вообще не имела ни малейшего представления о современных подходах к воспитанию. При этом постоянно твердила, и это было ее единственным указанием относительно внучек: «Отдай своих девочек на фигурное катание, там из них сделают людей». Она даже пообещала оплачивать занятия.

Эх, если бы быть родителем было так легко! Просто оплачивать расходы...

Папа, присутствовавший при разговоре, отозвал меня в сторону:

– Я знаю, ты никогда не слушаешься моих советов, но этот все-таки возьми на вооружение. Делай со своими детьми что хочешь, но главное – держи их подальше от наркокартелей и секций фигурного катания! А если окажешься перед необходимостью выбирать, помни – в наркокартелях хотя бы честные порядки и какая-никакая человечность. А свихнувшиеся на фигурном катании мамы не пощадят никого.

Меня несколько озадачила такая жесткая позиция, но совет показался ценным.

– Спасибо, папа, за предупреждение.

Отец говорил так уверенно, что я внял его рекомендации. В нашей семье мы всегда решительно избегали наркокартелей и фигурного катания.

Мои родители были удивлены, когда я сказал им, что собираюсь поступать на гуманитарный факультет и хочу стать антропологом.

Отец задал уточняющий вопрос:

– Что еще за антропология?

Я объяснил, как умел:

– Наука, изучающая поведение человека.

Отец хмыкнул.

– Поведение? Его еще недостаточно изучили? В наше время бизнесом надо заниматься.

Отцу, похоже, и в голову не приходило, что когда-нибудь компании будут искать себе специалистов самого разного профиля. Как руководитель традиционного банковского концерна, он не понимает, что финансовые учреждения теперь предлагают не отдельные продукты, а комплексные решения. И кто лучше гуманитария знает душу клиента?

Я запикиваю пропотевшую в жаркий летний день одежду, в которой мы были на похоронах, в стиральную машину. Моя младшая дочка Хелми расставляет фигурки животных.

² Эстель (р. 2012) – шведская принцесса, герцогиня Эстергётландская.

³ Мяхёнен – типично финская фамилия, которая свидетельствует о простом крестьянском происхождении ее обладательницы.

– Папа! Смотри, смотри!

Изображаю интерес. Затем опять перевожу взгляд на панель управления стиральной машины. Приходится снова собираться с мыслями. Честно говоря, детские игры мне не очень интересны. А чьи тогда интересны? Жизнь – это социальная игра, и человек на игровой доске – фигура, изображающая интерес.

Если так, то меня не удивляет нежелание моего отца со мной играть. Таков был дух времени – отцы сидели в кресле, курили сигару и читали журнал. Если в каких-то исключительных случаях папа принимал участие в игре, он обязательно включал в нее какой-то месседж из реальной экономики.

Моими любимыми песнями были «У Майи была овечка» и «У деда в Пийппола был дом». Мы иногда пели их с папой. До тех пор пока он не задался вопросами: «И куда же подевалась Майина овечка?» и «Что случилось с дедушкиным домом?»

Отец предполагал, что ферма в Пийппола обанкротилась, потому что там было много разных животных. Дед разводил коров, куриц, лошадей, овец и прочую живность. Папа считал залогом выживания сельскохозяйственных предприятий узкую специализацию.

– Такое допотопное хозяйство удержаться на плаву не может. Немудрено, что дед из Пийппола остался без дома. Наверняка отобрали налоговики.

Затем отец принимался критиковать налоговую систему Финляндии. И даже предлагал исполнять песню со словами «У деда был остров».

– Так сразу видно, что дедушка – настоящий предприниматель и у него солидная ответственность. Стоимость острова будет только расти. Как и хорошего строевого леса. И там вдовбавок можно соорудить причал для яхты.

В этом я с папой согласен. Животные явно переоцененные и избыточно представленные в детских играх действующие лица. Ну какие животные в городе? Зачем спрашивать у детей «Что говорит корова?» или «Что говорит лошадка?»

С практической точки зрения, ребенку гораздо полезнее было бы знать, что говорит юрист по семейному праву или о чем вещает популярный блогер на ютьюбе. Какой толк ребенку от знания, что лошадь говорит «и-го-го», когда юрисконсульт сообщит, что тот будет видаться с мамой по выходным раз в две недели. Лично меня волнует вопрос, что думает психотерапевт о моем отношении к отцу и не злюсь ли я на родителей или даже на самого себя?

Я хочу воспитывать своих детей иначе. Беру Хелми на ручки и чмокаю в лоб. Малышка сжимает мне щеки ладошками и смеется над дурацким выражением моего лица.

– Что ты хочешь на ужин?

– Хлопья с клубникой.

Почему такие простые проявления нежности казались моим родителям невероятно трудными? Однажды я задал им этот вопрос, мама сказала: «Мы купили тебе долю в паевом фонде и позаботились о твоём будущем». Но деньги не могли меня приласкать. Счет в фонде не радовался моему успеху, когда я забивал гол на футбольном поле. Подростки часто стыдятся своих родителей, но паевого фонда невозможно было даже стесняться.

Отец задерживался на работе допоздна. Мама, хоть и была рядом, но оставалась недостижимой. Отец хотел, чтобы я продолжил его блестящую карьеру в банковской сфере. Он старался подыскать мне на лето работу у своих друзей-банкиров. Я вежливо отказался. «Хотел бы попробовать что-то свое, найти сферу, в которой смогу добиться успеха собственной головой». Отец огрызнулся: «Не бывает в этом мире так, чтобы все решали личные заслуги».

В самом начале своей учебы я узнал о пирамиде потребностей Маслоу, который стремился понять, что является для человека самым важным. На первом месте стоят физиологические потребности – еда, питье и воздух. Затем – безопасность. Я как отец рискую споткнуться уже на второй ступени. Какую безопасность я могу обеспечить своим детям?

За безопасностью следуют социальные потребности – общение, любовь. Они дают ощущение, что принадлежишь к какому-то сообществу. Затем – потребность в оценке собственной значимости, самоуважении и признании со стороны других.

Конечно, теория должна соотноситься со временем. Эпоха социальных сетей принесла с собой необходимость хорошо выглядеть со стороны. И потребности одинокого родителя отличаются от потребностей просто одинокого человека. Эх, не ведал старина Маслоу, что когда-то в Хельсинки появится человек, для которого непромокаемая и дышащая детская одежда в иерархии потребностей будет стоять выше, чем секс.

Все-таки как родитель я какие-то приемы усвоил. Спросил у детей, что они думают о похоронах. Это необходимо, чтобы обеспечить потребность в безопасности. Сюльви пугает необратимость смерти.

– А папа у дяди Сами совсем-совсем умер?

– Да, во всяком случае, тело.

– Дяде Сами грустно?

– Конечно. Но грусть пройдет. Всегда найдется какой-то выход.

– Даже из темной пещеры?

– Ну да.

Только вот сам я понятия не имею, как на протяжении следующих пятнадцати лет буду один справляться с тремя дочерьми.

Лучше оказаться в темной пещере. Там я мог бы двигаться на свет или найти выход по потоку свежего воздуха.

Сами

После похорон звоню своей девушке Йенни. Мы встречаемся уже четыре месяца. Хочу поговорить с ней, рассказать, что чувствую после смерти отца. Когда ничего не чувствуешь, это ведь тоже чувства?

Йенни раньше работала в пресс-службе нашей компании. В ее задачи входило разъяснять журналистам, что в бурении нефтяных скважин на Аляске нет ничего плохого. В конце концов ей надоело поступаться собственными убеждениями за зарплату, и она ушла на чуть более этичную работу. Нашла место в пресс-службе крупного лесозаготовительного концерна рядом с нашим офисом.

Еще две недели назад я был уверен, что она будет матерью моих детей. В последние десять лет стук биологических часов заглушал все мои мысли. Каждый раз, когда мне на пути попадался папаша, выгуливающий своего отпрыска, я задавался вопросом, сколько этому папаше лет. И как ему удалось так ловко устроить свою жизнь, чтобы добиться этого замечательного результата? Где он нашел жену, которую готов терпеть настолько, что смог доверить ей продолжение рода?

Я часто пытался выведать этот секрет у своих обремененных семьями друзей. Они обычно отвечают, что все получилось как-то само собой и что «одно повлекло другое». А у меня почему-то ничто ничего не влечет. Во всяком случае ничего постоянного.

У некоторых счастливых все как-то складывается само собой. Мне кажется, это примитивное объяснение. То же самое можно сказать и о нацистской Германии – так легли карты. Но у меня само собой ничего не получается. Может быть, другие просто ни о чем не задумываются? Живут как придется, и все. Не сравнивают себя ни с кем и не планируют, что в каком возрасте должно произойти.

Однажды я водил младшую дочку Маркуса в поликлинику. Этот визит просто открыл мне глаза! Там в точности знали и даже нарисовали на графиках, что должен уметь ребенок в три года и каких размеров ему следует быть. Хелми укладывалась в среднюю кривую.

Это было настоящим откровением. И в то же время разочарованием. Конечно, тут все дело в финансировании здравоохранения, но, по-моему, поликлиника перестает наблюдать за людьми на несколько десятков лет раньше, чем следует. А как было бы просто – взглянул на график и знаешь, к чему стремиться.

Я бы с радостью ходил в поликлинику консультироваться о жизни.

«У вас пока нет детей и квартиры в собственности, но зато окружность головы укладывается в средние показатели. Люди развиваются с разной скоростью, не беспокойтесь об этом. Главное, что вы чувствуете себя бодро и хорошо справляетесь с повседневными делами».

«Сами, вы в свои сорок лет еще не испытываете признаков кризиса среднего возраста? Он проявляется в стремлении купить машину побольше, задумываться о смысле жизни и сравнивать себя с другими людьми».

Поступки детей объясняются возрастом, а плохое поведение связывают с переходными периодами. Такому как я, тридцатидевятилетнему, оправдываться нечем. Не придумали для нас переходного возраста, как для подростков, который объяснял бы, почему все летит к чертям.

Можно, разве что, пожаловаться на жизнь в Министерство труда и социального обеспечения или на радио позвонить. Но я для этого еще недостаточно стар. Судя по графикам в поликлинике, эта стадия наступает лишь годам к шестидесяти пяти.

Жаркий летний вечер. Отцу выпал красивый день для последнего путешествия. Хотя при жизни он никогда не любил жару. Мне кажется, я слышал его ворчание из-под крышки гроба.

Снимаю пиджак и набрасываю его на плечо, хоть при этом открываются протертые места на рубашке.

Звоню Йенни уже в третий раз, но она не отвечает. Я у самого ее дома. И тут вижу Йенни, выходящую из подъезда. Машу ей, но она меня не замечает. И не слышит моего оклика, потому что перед домом грохочет мотоцикл. На нем восседает красивый молодой парень, который протягивает Йенни шлем и помогает забраться на сиденье. Йенни прижимается к его спине. Мотоцикл стремительно разгоняется и мгновенно исчезает за углом.

Нет, черт побери! Йенни была не готова пойти со мной на похороны, но зато сейчас у нее появилось время прокатиться на мотоцикле. Я, онемев, стою посреди улицы. После короткого замешательства крупными шагами направляюсь домой.

Ну вот и все. Разве и так не пора было завязывать? Если бы можно было задать этот вопрос в поликлинике для взрослых, то там сразу сказали бы, что желание запрыгивать на мотоциклы проходит у девочек к восемнадцати годам. Йенни тридцать шесть. В этом возрасте человек уже должен уметь говорить: «Мы очень разные, и нам лучше расстаться». И вообще, разве это не подростковое поведение – прежде чем кому-то отдалиться, взгромоздиться на мотоцикл?

В романтических комедиях главный герой в такой ситуации отправляется поплакаться в жилетку к своему лучшему другу. Но у меня не хватает решимости беспокоить Маркуса и Песонена. Ничего тут нет ни от романтики, ни от комедии.

Должны быть и другие способы справляться с неприятностями, кроме как прятаться от них в баре. В любом случае неудобно идти туда одному. Единственный, кто может быстро сорваться и составить мне компанию, – мой давний приятель Эппу.

Звоню ему и уже через минуту разговора понимаю, что идея мне не нравится. Эппу, напротив, горячо приветствует предложение проболтаться ночь в городе.

– Класс, давно не виделись, нароем движуху и заценим телочек.

Если вернуться к консультациям в поликлинике, то никто старше двадцати лет ни при каких обстоятельствах не должен употреблять выражение «заценим телочек», да и слово «движуха», скорее, следует использовать в смысле дорожного движения. Но ничего не поделаешь. Все другие мои друзья обременены семьями, и им так быстро из дома не сбежать, даже если они и весьма не прочь «заценить телочек».

Ситуация осложняется уже за первой бутылкой пива. Эппу излагает теории, как следует клеить девушек. По-моему, ему следовало давным-давно забыть всю эту чепуху. Он незаметно показывает на женщин за столиками в баре и шепотом размышляет, какими они должны быть в постели.

– Сами, нам надо поделить с тобой сферы интересов.

– Какие еще сферы?

– Ну, как Ике⁴ и Хьяллис⁵. Я, конечно, точно не знаю, но, похоже, они договорились друг другу не мешать: Ике предпочитает сочных и пышных дамочек, а Хьяллис специализируется на высоких стройных моделях.

Как правило, я в состоянии выслушивать его дольше, но из-за душевного раздрая после похорон и ухода Йенни терпения у меня меньше, чем обычно.

– Черт тебя подери, Эппу, придурок! Нам уже почти по сорок. В этом возрасте человеку должно хватать мозгов искать себе человека, а не задницу или сиськи.

– В смысле?

– Ну, чтобы было о чем поговорить, общие интересы, создание семьи.

– Это не работает. Уже опробовано. Семейная жизнь никому не идет на пользу.

⁴ Ике – имеется в виду Илкка Канерва, известный финский политик, за которым закрепилась слава бабника.

⁵ Хьяллис – Харри (Хьяллис) Харкимо, финский бизнесмен, которого также многие считают бабником.

Вот как у мужчины сорока лет могут быть представления двадцатилетнего? Я утрачу веру в эволюцию, если продолжу слушать Эппу. У него трое детей от двух разных женщин. Но, по его словам, скучная семейная жизнь не для него. Ну нет, Эппу мелет полную чушь, глупости.

– Это же дикость – считать семейных людей самыми убогими представителями рода человеческого.

– Так и есть. У них нет никакой жизни.

– А где тогда жизнь? В этом баре?

– Йес!

– Может быть, это так, когда тебе двадцать. Но в нашем возрасте тусоваться здесь нелепо. Нас тут не ждут, и мы тут никому не нужны. Ты выглядишь просто несчастным мудаком, когда пытаешься продлить давно ушедшую юность в этой рубашке, которая на тебя уже не налезает.

Залпом допиваю пиво и встаю из-за стола. Эппу кричит вслед:

– Ладно тебе! Ты что, совсем растерял чувство юмора?

– Наверное. Но у меня осталось самоуважение.

Сейя

Со своими детьми можно не притворяться. Ну как Хенна могла так вот уйти с похорон? Откуда такая несдержанность? Все у нас в роду спокойные и тактичные. И от кого она унаследовала эту вспыльчивость? Уж во всяком случае не от меня и не от отца. Не иначе в университете научилась дерзить. Опять мне пришлось краснеть со стыда.

Ну и что такого, если я нет-нет да и скажу, как было бы здорово нянчиться с внуками? Я ведь ни на чем не настаиваю и не учу, как жить. Моя мама говорила, что настойчивость хороша в мелочах, а серьезные вопросы каждый решает сам.

Ничего плохого я не хочу. Просто время у меня уже подошло, настала пора стать бабушкой. Я в том возрасте, когда умею и позаботиться как надо, и еду приготовить, но пока еще вполне крепкая и в силах ребенка на руках покачать. Вот, бывает, и осмелюсь спросить. И всегда некстати.

Не идет у меня из головы, как Хенна всплыла. Неужели у матери с дочерью всегда должны быть плохие отношения? Вот Синикка, подруга моя, сказала как-то: дочери часто замечают, что становятся похожи на мать, и не могут с этим смириться. Все, конечно, наладится. Но как мне восстановить отношения, если Хенна даже видаться со мной не желает?

У меня уже и плакать сил нет. Так много ревела, что больше не получается. Даже тут есть какой-то предел. Пойду спать. лягу на своей стороне кровати. Половина, на которой Мартин спал, пусть так и остается пустой. А может быть, стоит купить кушетку поуже? Как раз место освободится, поставлю туда столик под швейную машинку. Только вот что я там буду шить, если у меня и внучат-то нет?

Выключаю ночник. И сразу слезы потекли. Что ж, должен человек оплакать своего супруга. Еще разок дам волю чувствам. Потом не буду себя корить, что не скорбела.

Сами

Выхожу из бара под дождь. Вижу, как к остановке подъезжает трамвай, идущий в сторону моего дома, и бросаюсь за ним. На бегу достаю из кармана портмоне с проездным. Но трамвай отъезжает. Решаю идти домой пешком.

Вдоль тротуара выстроился целый ряд мотоциклов, припаркованных вплотную друг к другу. Вспоминаю о предательстве Йенни. Проклятые мотоциклы, причина всех бед и несчастий. В приливе ярости пинаю один из них. Он с грохотом падает на проезжую часть, увлекая за собой четыре соседних. Осколки зеркала разлетаются по асфальту.

Слышу шум на террасе ближайшего бара. Пятеро облаченных в жилеты байкеров не меньше, чем по центру каждый, вскакивают и бросаются ко мне.

– Стоять, сука!

– Да мы его сейчас просто грохнем!

Молнией бросаюсь наутек, но при этом портмоне падает на тротуар. Наклоняюсь за ним, но погоня уже в пяти метрах, и мне ничего не остается, как расстаться с бумажником. Я бегу по ночным летним улицам Пунавуори⁶ и пытаюсь запутать своих преследователей, которые не отстают, выкрикивая угрозы убить меня. Двое мотоциклистов уже наступают мне на пятки.

– Стой! Мы тебя по-любому найдем!

– Трус паршивый!

Иногда стоит смириться со званием труса и постараться смыться. К счастью, за мной гонятся не какие-нибудь очкарики – любители спортивного ориентирования на пересеченной местности, а довольно слабые по части бега личности. За несколько минут мне удастся от них оторваться, и я запрыгиваю в свободное такси на Исо-Робертинкату. Называю водителю адрес и пытаюсь отдышаться на заднем сиденье.

Я в безопасности. За исключением того, что у мотоциклистов остался мой бумажник. В нем было удостоверение личности, визитные и банковская карточки – вся моя жизнь. Та самая жизнь, в которой я должен был укладывать детей спать, водить их в поликлинику и записывать в детский садик. Но мотоциклистам достанется только логист нефтяной компании, у которого есть «Мастеркард», библиотечный читательский билет и скидочная карточка сетевого магазина. Уверен, что я услышу об этих ребятах очень скоро.

Звонит Йенни, моя несостоявшаяся невеста. Отвечаю нейтрально, устроившись на заднем сиденье в такси.

– Привет, Йенни.

– Привет. Как у тебя дела? Как прошли похороны?

– Все в порядке.

Какого черта ей надо?

– Как там твоя мама на похоронах?

– Да вроде, норм. Как ты? Звонил тебе.

– Да, я только сейчас заметила. Наверное, не слышала звонка. Ко мне старший брат приехал из Лохья, ездили с ним кататься на мотоцикле. Почувствовала себя подростком. Хи-хи.

– Хи-хи. Слушай, мне сейчас неудобно разговаривать. Созвонимся попозже.

Как сказал пастор: «На крутых поворотах жизни всегда бушуют страсти». Все-таки не стоит позволять им бушевать так, чтобы сдуру крушить мотоциклы авторитетных байкеров, а потом оставлять им бумажник.

⁶ Пунавуори – район в Хельсинки.

Прошу таксиста остановиться за домом. И понимаю, что у меня нет ни карточки, ни наличных, чтобы расплатиться. Водитель, к счастью, молодой паренек, который соглашается, чтобы я заплатил смартфоном через «Мобил Пэй».

Дома ложусь в постель. Однако сон никак не идет. И тут звонит телефон.

– Сами.

– Мы грохнем тебя! Гребаное чучело!

Я даю отбой, но телефон сразу же заливается снова. Кстати, я не ставил запрета на выдачу своего адреса в телефонной базе данных. Имя мое, правда, весьма распространенное, но у кожаных жилетов не займет много времени меня отыскать. Отель – тоже не вариант. Гостиничный персонал всегда сообщает бандитам, в каком номере поселился клиент. Ну, во всяком случае, в фильмах.

Звоню Маркусу. Он мой хороший друг, поэтому не грех ему и соврать. Маркус отвечает почти сразу. Говорит шепотом:

– Привет, как раз детей уложил.

– Можно у вас переночевать? У меня тут протечка.

– Ну, ты, конечно, можешь прийти, только здесь невозможно выспаться. Первая девочка просыпается часов в шесть.

– Ничего. Я сейчас приеду.

Не включая света, собираю несколько пар белья, зубную щетку, свой ноутбук и прочие необходимые вещи. Осторожно выглядываю в окно. Я был прав. У ворот уже толчется парочка байкеров в кожаных жилетах.

Сбегаю по лестнице, не зажигая света. Через черный ход выхожу в задний двор и перепрыгиваю через забор на участок соседнего дома. Выскальзываю на улицу с другой стороны двора и останавливаю проезжающее такси. Этот водитель тоже готов принять оплату со смартфона.

– На Мусеокату, пожалуйста.

Телефон в кармане дрожит от бесконечных звонков и входящих сообщений. Об их содержании я догадываюсь, но одно сообщение все-таки открываю. «У тебя остается крохотный шанс выжить, если ответишь по телефону и придешь поговорить».

Я помню, что Матти Нюкянен⁷ говорил о шансах, но в данном случае это не подходит. Звоню Маркусу в домофон и направляюсь от ворот к его двери. Стараюсь не показывать, что огорчен и взволнован. Лучше Маркусу ничего не знать. Последствия моей глупости никаким боком не должны его касаться.

⁷ *Матти Энсио Нюкянен* (1963–2019) – известный финский спортсмен, в дальнейшем певец. В Финляндии популярны многие его высказывания, зачастую весьма банальные. Например, такое: «Шанс – это возможность».

Песонен

Отцу следовало бы пойти на похороны Мартина. Они были хорошими друзьями. Однако утром отец был так слаб, что вопрос о похоронах отпал сам собой. Думаю, это он мне просто так сказал. Не хотел показываться на людях в виде скелета, отошавшим и изможденным. У людей его поколения никогда не бывает физических или психических проблем. Мама тоже не пошла. Утром пожаловалась на мигрень. Ну не знаю...

Состояние отца очень переменчивое. Иногда он хорошо сам справляется с домашними делами, даже готовит мясной рулет и ползает в ближайший магазин. А временами полностью беспомощен, и без меня ему не обойтись. Но при этом отказывается ехать в больницу.

– Больница – для больных, а я здоровый мужик.

Ну разумеется. Он здоров ровно настолько, насколько может быть здоровым смертельно больной человек. И думаю, по этой же причине не захотел идти на похороны.

– И как, похороны удались?

– Да, вполне.

– Амортизаторы у катафалка не стучали?

– Наверное, нет. Я не обратил внимания, когда он отъезжал.

– Ну, ты никогда ничего не замечаешь. Мамаша твоя такая же.

– Ясно.

– Позорище вышло бы.

– Ты о чем?

– Если бы покойника растрясло. Уж хотя бы последний путь должен быть гладким, раз про жизнь такого не скажешь.

– Ему уже все равно.

– Не умничай. У тебя-то есть идеи?

– Относительно чего?

– Относительно моих похорон.

– Ну, когда время придет, тогда и будем о них думать.

– Да уже пора. И никаких торжеств не устраивай. Все равно одному помирать. Сейя, вон, оставалась с Мартином до самого конца.

На это нет сил отвечать. Когда я был ребенком, мама мне говорила, что у меня впадина между ягодицами в точности как у отца. Мне не хочется сравнивать, когда я стягиваю с него кальсоны, чтобы втереть мазь в поясницу. Медсестра сказала делать такие растирания два раза в день. Почему-то онкологические больные страдают от зуда.

По завершении процедуры иду отмывать руки от липкой массы. Накрываю отца одеялом. Мой телефон в кармане начинает вибрировать. Вижу, что звонит мама.

– Это мать?

– Да.

– Скажи ей, что она погубила мне жизнь.

– Не буду. Ничего она тебе не погубила.

Мама и вправду ушла от отца, но сделала это слишком поздно. Отвечаю на звонок.

– Привет, мама.

– Мои ключи у тебя?

– Откуда у меня могут быть твои ключи?

– Я не могу их нигде найти.

– Ты где?

– Перед дверью в подъезд.

– Сейчас приеду. Подожди в кафе. Пока.

Отец желает знать, что у мамы стряслось.

– Ну и что эта ведьма глупая опять натворила?

– Ничего. Есть хочешь?

– Разумеется, поел бы. У меня нет прислуги, которая еду готовит.

– В твоём возрасте пора уже научиться стряпать самому.

Открываю отцовский холодильник и извлекаю испорченные продукты.

– Где у тебя ведро для пищевых отходов?

– А его не надо было выбрасывать, что ли? Сам же сказал выбросить биоотходы.

– Ты вместе с ведром выбросил? Ладно, ерунда.

Глупо агитировать умирающего сохранять окружающую среду. В раю отходы сортировать не надо, а в аду их все одно сжигают. К счастью, у отца в холодильнике есть и нормальная еда. Разогреваю вчерашний соус и картошку в микроволновке. Для красоты кладу на тарелку два кружочка свежего огурца, хоть он их и не ест. Солёный огурец отца бы порадовал, но в банке остался только рассол.

– Обед на столе. Мне надо к маме сходить. Она ключи потеряла.

– Она всегда была растяпой. Рассеянной и ленивой. И...

– Ясно-понятно. Я уже много раз все это слышал.

– У меня рак из-за матери твоей.

– Она тебя заразила?

– Из-за того, что бросила меня.

– Ты же слышал, что врач сказал. Не бывает никакого сезонного рака, которым заражаются через прикосновение или из-за переживаний. Но недоброжелательность может отрицательно сказываться на течении болезни. Постарайся просто привыкнуть к мысли, что вы расстались. Представь, что ты холостой мужик. Ну ладно, холостой настолько, насколько может быть холостым изможденный болезнью лежачий онкобольной.

Я всегда стараюсь разговаривать с отцом грубо, чтобы он направлял свою злость на меня, а не на маму. Ничего не получается. Отец видит во мне продолжателя его фирмы. Я унаследую дело его жизни – «Авторемонтную мастерскую Песонена».

Меня совершенно не интересуют автомобили, их ремонт или работа в автосервисе. Но и думать, что делать дальше, у меня нет желания. Считается, что каждый должен найти свое собственное дело и превзойти самого себя. Но мне тоскливо видеть, когда кто-то превосходит самого себя. Я даже не рассматривал других вариантов, кроме как продолжать дело отца и заниматься автомастерской. В этом случае не нужно превосходить себя, но сама эта мысль угнетает. Конечно, классно что-то унаследовать. Не так важно, что именно – компанию «Хьюлетт-Паккард», «Эпл» или «Авторемонтную мастерскую Песонена». Разница невелика. Разве что в амбициях. И это все. Чтобы скрыть раздражение, я прощаюсь с отцом подчеркнуто бодро.

– Пока, папа. Увидимся завтра!

Отец продолжает громко поносить мать, называя ее дурным бессердечным человеком. Закрываю за собой дверь и спешу к маме. От нее я унаследовал не форму попы, а предубеждение против всего нового. Мама похожа на отца, каким он был, пока не заболел раком. Это сходство, вероятно, и удерживало их вместе, куда они не расстались. Наверное, ради меня они пытались создавать видимость крепкой семьи.

На самом деле меня больше беспокоит то, что она стала все забывать. Вернее, она не забывает, а просто не может ни на чем сосредоточиться, не понимает речь или, возможно, просто не слушает, что ей говорят.

Мама всегда была художественной натурой, хоть и не обладает художественным талантом и чуткостью. В последнее время она изменилась. Вообще-то, я уже пару лет замечаю за ней странности, но объяснял их особенностями характера. Надо бы ее обследовать. Нельзя списывать все на характер.

Иду к маме, стараюсь не думать о потоках дерьма, которые вылил на нее отец. Надо бы поспешить, но как-то не могу себя заставить. Взгляд падает на рекламный щит «Рак кишечника – победа за тобой!». Да, папа уже в курсе, за кем победа...

Забираю маму из кафе, и мы вместе направляемся к ней домой. Из прихожей мама входит в гостиную и неожиданно валится на пол. Она хотела пройти в кухню, но не удержалась на ногах.

– Не чувствую одну ногу!

– Я в «скорую» звоню.

– Не звони. Еще не хватало из-за меня «скорую» вызывать.

Иногда любовь не позволяет прислушиваться к плохим советам. «Скорая» приезжает через десять минут. Парамедики расспрашивают маму о хронических заболеваниях, измеряют давление, делают кардиограмму и решают везти ее в больницу.

Отправляюсь с ней. Нервное ожидание перед дверью приемного покоя. Наконец выходит врач. Кажется, он обеспокоен не меньше меня.

– У вашей матери инсульт.

Сами

Просыпаюсь в гостиной у Маркуса. Спал я беспокойно. По привычке смотрю на экран телефона, хоть и догадываюсь, что я там увижу. Звонки и сообщения с угрозами пришли по всем возможным каналам. Злодеи отметились даже у меня в фейсбуке.

Я было подумал, что обо мне забудут. Подумаешь, какие-то несчастные мотоциклы, их ведь нетрудно починить. Сто семнадцать непринятых звонков и шестьдесят пять сообщений с угрозами указывают на то, что нет, они не забыли. Они помнят.

Младшая дочка Маркуса просыпается в половине седьмого. Мне не заснуть, поэтому, чтобы дать выспаться Маркусу, сажусь с ребенком смотреть детскую передачу. Пластилиновый старичок показывает, как сделать горшок для комнатных цветов, и заодно напоминает нам, что сегодня именины празднуют Райли и Райла.

– У нас в группе есть Райли.

– Это ваша воспитательница?

– Нет, девочка. Воспитательницу зовут Йенна.

Разумеется, Райли это ребенок.

– Поздравь завтра Райли. Что ты хочешь на завтрак?

– Хлопья с молоком. Из тарелки с Малышкой Мю⁸. И воду из взрослой кружки. И шесть виноградинок. Их надо нарезать на половинки.

– Всего шесть или двенадцать половинок?

– Двенадцать половинок. Одну половинку тебе и десять мне.

– То есть одиннадцать?

– Нет, десять.

– И куда же девать еще одну.

– Она ляжет спать.

Несмотря на неопределенность полученного рецепта, делаю что приказано, и заодно готовлю завтрак себе. Постепенно семейство Маркуса пробуждается ото сна. Безмятежное воскресное утро. Сайми, старшая дочка Маркуса, не отрываясь тычет пальцами в свой мобильный телефон, а младшие смотрят детские передачи по телевизору. Мы с Маркусом читаем за столом на кухне «Хельсингин Саномат»⁹.

– В ванной?

– Кто?

– Да эта твоя протечка.

– А-а, протечка. Нет... на кухне. Весь пол теперь менять.

Я ненавижу врать, но это благая ложь во спасение Маркуса. Когда все закончится, Маркус меня поймет, и мы вместе посмеемся над этой историей. А сейчас мне не до смеха. И даже не до улыбок.

Утром в понедельник, ничего не поделаешь, надо идти на работу, хоть и с риском для жизни. По понедельникам у нас важное совещание, которое без очень уважительной причины пропускать нельзя. Панический страх смерти – причина, может, и убедительная, но я не могу сообщить о ней своему начальнику. В нескольких сообщениях с угрозами мне ясно дали понять, что следует держать язык за зубами, в особенности с полицией.

Штаб-квартира моей компании расположена поблизости от железнодорожного вокзала Хельсинки. Пробираюсь туда под прикрытием соседних офисных зданий. Правда никаких при-

⁸ *Малышка Мю* – героиня серии книг Туве Янссон про муми-троллей.

⁹ «*Хельсингин Саномат*» – крупнейшая ежедневная газета Финляндии.

знаков байкеров, как ни странно, не наблюдается. Их появление – это, конечно, только вопрос времени. К счастью, наш офис так хорошо охраняется, что там я в полной безопасности. Не стоит ли мне перебраться ночевать на диванчик у себя в кабинете?

Перед зданием штаб-квартиры сегодня целая толпа демонстрантов. Наша компания, «Анчор Ойл» – одна из крупнейших в мире нефтедобывающих корпораций и нефтетрейдеров, и именно она удостоилась чести начать бурение на Аляске, которая славится своей прекрасной природой. Это, конечно, оценочное суждение и дело вкуса. Вправе ли я определять ценность природных объектов, если не могу определиться с собственной жизнью?

Помимо своей бездетности и бесхребетности, я начинаю стыдиться еще и места работы. Зарплата у меня, правда, хорошая, и коллеги славные. Под давлением общественного мнения нашей компании постепенно приходится меняться.

В неформальных ситуациях я стараюсь невнятно пробормотать название фирмы, в которой работаю. Рассказываю о разработке безотходных, экологически чистых технологий получения энергии, заостряю внимание на том, что наша фирма рассказывает о себе в рекламе.

Я, разумеется, не о таком мечтал, когда учился. Поступая в университет, не собирался уничтожить природу Аляски. Собственно говоря, учебная программа в 1990-х годах такого и не предлагала. Сейчас наверняка что-то подобное в вузах есть, ведь теперь студентам стараются давать универсальное образование.

Я не планировал свою карьеру. Просто в «Анчор Ойл» было свободно место практиканта, и я устроился туда на лето, чтобы немного подработать. Со своими обязанностями справлялся и на этом месте прижился. Продолжил учиться уже как логист. Формально такой квалификации у меня нет, но какая теперь разница? Ведь многим и без диплома удается справляться с воспитанием детей, устройством личной жизни и созданием семьи.

Я слежу за ценами на рынке и отвечаю за поставки на территории Финляндии и Скандинавии. Моя задача обеспечивать заправокные станции топливом. Но мечтал я о другом.

Поэтому чувствую себя неуютно, заходя в офис, когда столпившиеся перед дверьми митингующие обзывают меня губителем земного шара и убийцей. Как можно называть убийцей человека, который попал на эту работу только из-за собственной лени? Тогда уж обзывали бы просто лентяем.

Прохожу через вращающиеся двери и оказываюсь в холле. Вахтер здоровается и говорит, что мне не оставлено никаких сообщений. Даже от байкеров.

На следующее утро все складывается не так удачно. Еще издали я замечаю в толпе демонстрантов нескольких верзил. Экологические активисты все больше щуплые и лохматые. Нехорошо, конечно, подгонять людей под одно лекало, но я в состоянии отличить мотоциклиста от защитника природы. Разворачиваюсь и направляюсь обратно к Маркусу. Только вхожу в дверь, как звонит мой начальник.

– Сами, доброе утро. Это Юкка.

– Доброе утро. Я сегодня поработаю удаленно.

– Хорошо. Лишь бы дело спорилось. Я просто подумал, не связана ли твоя удаленная работа с бородатыми бугаями, которые торчат у нас в приемной?

– Нет... В смысле?

– Ну, они тебя спрашивают. И выглядят очень возбужденными.

– Вот как... Странно.

– Не стоит ли мне позвонить в полицию?

– Нет!!! То есть... Это ерунда.

– Не похоже, чтобы совсем уж ерунда. наших посетителей теперь встречают не только экоактивисты, но еще и банда байкеров. Это, в общем, не совсем тот образ, который мы стремимся донести до своих партнеров и клиентов.

– Да, наверное, так.

– Не мог бы ты поскорее решить этот вопрос? Иначе я вынужден буду обратиться в полицию.

– Да, я разберусь. Только не надо звонить в полицию.

Начальник отказывается что-либо обещать. Я стараюсь говорить спокойно, хотя под ложечкой неприятно сосет. Вот же черт! Жизнь моя и цента не будет стоить, если я, даже не по своей воле, напущу полицию на этих громил в кожаных жилетах.

Когда Маркус с детьми возвращается домой, я опять не решаюсь раскрыть ему истинную причину моего затянувшегося визита. Маркус удивляется, почему я не иду к своей маме.

– Тут мои чертовки тебе покоя не дадут. Я тебя не гоню, здорово, когда есть человек, с которым можно перекинуться словечком, но у мамы ты хоть выспаться сможешь.

– Маме нужно время, чтобы свыкнуться со смертью отца.

Объяснение, конечно, глупое. Маркус знает мою маму и понимает, что она очень общительная и никогда никого не только не выгонит, но и постарается задержать подольше. Цепляется за каждого гостя.

Но Маркус почему-то принимает мое объяснение. Дело тут еще и в том, что я для него хороший помощник. Днем, в перерывах между удаленной работой, я прибрал квартиру и приготовил на ужин макаронную запеканку. Все впятером садимся есть сразу после «Двойки для маленьких»¹⁰.

Это кажется таким правильным и естественным! Мы, разумеется, не семья, но, вообще говоря, более гармоничного семейства и представить себе было бы нельзя. Три красивые девочки. Два папы, у которых все спорится: и ремонт, если надо, сделают, и косички заплетут. Я восхищаюсь Маркусом и завидую ему.

¹⁰ «Двойка для маленьких» – детская передача на Втором канале телевидения в Финляндии.

Хенна

Даже не знаю, от чего бегу, но все чаще и чаще стараюсь удрать, погружаясь в чтение блога под названием «Перезагрузка» об идеях для ремонта, здоровом образе жизни и красоте. Я наткнулась на него, когда искала советы, как мне обставить квартиру, – тогда мы с Эсой делали ремонт. Сейчас читаю записи и на другие темы. Особенно посты о семейной жизни. Вот как сейчас.

Карусель счастья

Знакомо ли вам чувство, когда кажется, что жизнь – это вращающаяся карусель? Для меня это карусель счастья. Вот и сегодня утром я проснулась, просто светясь от радости. И испытала из-за этого чувство стыда. Прилично ли вслух признаваться в том, что твоя жизнь идеальна?

Если бы мне предложили исполнить три желания, я не смогла бы назвать ни одного. У меня есть все. Красивый дом, прекрасный муж, изумительные здоровые дети, хобби, друзья и все, о чем я могла когда-либо мечтать.

До рождения детей, может быть, мне иногда и казалось, что у соседа трава зеленее, но с началом материнства и эта последняя дырка в заборе исчезла, и я почувствовала полную гармонию. Теперь не могу назвать ничего, чего бы мне не хватало.

Я купаюсь в любви своих детей и мужа. Благодаря вам, моим подписчикам, у меня есть возможность провести с мужем романтический отпуск с поцелуями в Париже...

Заливается телефон. Это мама. Она звонила сегодня уже раз пятнадцать, но у меня не было сил ответить. Она явно не собирается сдаваться, поэтому я отвечаю на звонок с металлом в голосе.

– Хенна.

– Это мама. У тебя все хорошо?

– Разве непонятно, что я не хочу с тобой разговаривать?

– Можно я вам еды принесу, с похорон осталась?

– Нельзя. Нам не надо.

– Так ведь все равно выбрасывать.

– Мама, я сейчас не могу говорить.

– Ты плохо себя чувствуешь? Прими цинк.

– О каком, черт побери, цинке ты говоришь!

– Извини, что я... но не надо обижаться по пустякам. Что из того, если я нет-нет да и скажу, что мне хотелось бы внуков.

– Ну все, хватит. Пока!

Чтобы вести себя как подросток, необязательно быть подростком. Я умный человек с высшим образованием. Занимаюсь академической наукой, и мое мировоззрение опирается на научное мышление. Однако бесплодие наводит на меня ужас, от которого я готова поверить в магию.

Каждый вечер я торчу в интернете, выискивая в гугле волшебные способы забеременеть. Целыми днями у меня в голове крутится только одна мысль – как зачать ребенка. Секс давно перестал быть романтичным занятием и не доставляет ни малейшего удовольствия. Эса, чтобы уклониться от исполнения своих обязанностей в постели, начал придумывать такие оправдания, как уборка, шоу «Телевизионная барахолка» и промывание кишечника.

В принципе мне, чтобы повысить вероятность забеременеть, не нужно делать ничего сложного. Следует есть здоровую пищу, избегать алкоголя, хорошо выспаться и не допускать стресса.

Последний совет – самый плохой из всех, которые мне доводилось получать в своей жизни. Ничто не способствует развитию стресса так, как попытка его избежать. Нервы натянуты как струны, а стресс, видите ли, не допускается. Остальные рекомендации не лучше. Когда становишься одержимой беременностью, все остальное отходит на второй план, и не хочется ни изысканной еды, ни вина. Заикленность на этой мысли не дает спать, даже шевелиться нет желания. Все это как раз и приводит к стрессу.

Согласно одной из рекомендаций, мужчина должен воздерживаться от секса в течение нескольких дней до наиболее благоприятного для зачатия периода. Мы это пробовали много раз. Еще я где-то вычитала, что оплодотворение более вероятно, если женщина достигает оргазма чуть раньше мужчины или одновременно с ним. Это уже настолько безумная мысль, что хоть плачь, хоть смейся. О боже! Женщины даже право голоса получили после мужчин. Ни одна женщина никогда не сумела достичь ничего раньше мужчины или хотя бы одновременно.

«Сексуальное возбуждение и спокойное, расслабленное состояние женщины также способствуют успешному перемещению сперматозоидов в полости матки». О черт возьми! Отличный способ достичь возбуждения – это сначала свериться с календарем и убедиться, что настало идеальное время для зачатия. Когда в университете я проходила практикум по работе с электронными таблицами, то и не предполагала, что они мне пригодятся только для планирования беременности.

В студенческие годы мы с Эсой, тогда страстно влюбленные друг в друга, фанатели от группы «Ультра Бра»¹¹. И одну их суперскую песню вдохновенно исполняли на каждой вечеринке. В песне¹² перечисляются подвиги лирического героя – по льду Финского залива он дошел на лыжах до Сеурасаари¹³, ехал туманным утром в рельсошлифовальном трамвае, видел Кельнский собор, молча стоял на пирсе и наслаждался всеми этими удивительными моментами. В молодости мне казалось, что таких мгновений, которые наполняют нашу жизнь, достаточно, чтобы быть счастливой. Теперь моя песня звучала бы так:

*Я пила красное вино после овуляции
и грейпфрутовый сок – до,
Я лежала с ногами, устремленными в потолок,
после соития – вот!
Мой рацион – орехи и сливочное мороженое,
в общем, обезжиренный жир,
Перуанская мака и фолиевая кислота,
корневища и прочий инжир,
Аскорбиновая кислота и всякая мутота,
витамины, масло примулы, цинк,
Бесконечные БАДы за безумные «бабки»,
акупунктура – да, настоящий цирк.
И мужу еще покупала большие трусы, чтобы
не грелись яйца его и всегда были свежи.
Я сдавала анализы на прогестерон*

¹¹ «Ультра Бра» («Ultra Bra») – финская музыкальная группа, созданная в 1994 г. и просуществовавшая до 2001 г.

¹² Имеется в виду песня «Я уберегу тебя от всего» («Minä suojelen sinua kaikelta», фин.) из альбома «Крокет».

¹³ Сеурасаари – остров-музей под открытым небом в центре Хельсинки; популярное место проведения пикников и праздников.

*и исследовала из матки слизь.
Делала тесты на овуляцию, и потом мы
с мужем...*

В итоге я превращаюсь в развалину. Что еще сказать? В любой другой ситуации я бы просто посмеялась надо всем этим. Но грезы о ребенке сделали из меня идиотку, которая бродит по форумам в интернете и верит во всякую чушь.

Вот, например, недавно прочитала поучительную историю про женщину, которая забеременела благодаря тому, что во время овуляции слушала Адель¹⁴ в позе индианки. От отчаяния я уже верю и в эти бредни.

«Не думайте обо этом». Как можно не думать о том, о чем только и думаешь? Это то же самое, что сказать людям, на которых сбрасывают бомбы, не думать о бомбардировке: «Просто расслабьтесь».

Иногда ученый, еще сохранившийся где-то в глубине моего сознания, вдруг просыпается, и тогда понимаешь, что из всего этого ничего не выйдет. Шанс забеременеть появляется у женщины раз в месяц и составляет около двадцати процентов. А в тридцать пять эта вероятность гораздо меньше. Я бреду с закрытыми глазами, бросая вызов теории вероятностей. И от близкого человека мне не приходится ждать никакой помощи.

¹⁴ Адель Лори Блу Эджинс (р. 1988) – британская певица.

Сами

Я продолжаю прятаться у Маркуса и работать удаленно. Все больше убеждаюсь в том, что семейная жизнь создана для меня. Маркус извиняется за хаос, который царит у них дома. И совершенно напрасно. Мы и живем на свете ради хаоса, в особенности – создаваемого детьми.

Никакого другого хаоса мне, впрочем, не надо. Я даже не звонил своей девушке Йенни, чтобы не пришлось врать и что-то придумывать из-за байкеров. Теперь звонит она сама и мне ничего не остается, кроме как ответить.

– Привет, Сами, нам надо поговорить.

– Прямо так, по телефону?

– Да нет, можно у тебя.

– Там... в квартире не прибрано. Вернее, у меня протечка.

Наверное, лучше врать всем одинаково, чтобы не запоминать, кому что наплел. Я ведь ничего не рассказывал Йенни про историю с байкерами. С другой стороны, можно ничего особенно и не объяснять. Я ведь знаю, что она хочет сказать: «Нам надо расстаться».

– А ко мне можешь прийти?

– Хорошо. Скоро буду.

От рева набирающего скорость мотоцикла за спиной душа у меня уходит в пятки. Напуганный до смерти, я бросаюсь обратно в подъезд, но замечаю, что звук исходит от невзрачного мопеда какого-то подростка. У мотоциклов, которые гоняются за мной, звук более низкий, раскатистый.

А может быть, они вообще про меня забыли? В последнее время звонков и сообщений приходило гораздо меньше. Наверное, у них есть дела и поважнее, какие-нибудь там жуткие грабежи или кровавые разборки.

Звоню в дверь. Йенни выходит открывать – на ней толстовка и легинсы. Она меня обнимает. Но язык тела подсказывает, что это прощальные объятия. Мы оба это понимаем.

– Сами, ты самый классный парень в мире.

Вот так. Парень, не мужчина. Любящие женщины говорят о мужчине, а не о парне.

– Но все так искусственно. Поначалу казалось, что у нас получится. Ты слишком напряжен. И поэтому, наверное, не сложилось. Тебе надо расслабиться.

– В моем возрасте и в такой ситуации трудно расслабиться...

Попробуй расслабься, когда на улицу носа не высунуть без непосредственной угрозы для жизни.

– Тут у меня были всякие события.

– Я имею в виду не сейчас. У нас вообще отношения не складываются. Мне тоже хотелось в них поверить. Наверняка мы стремились к одному и тому же, но, мне кажется, мы не подходим друг другу. Ты всегда бежишь впереди паровоза. Стоит мне взглянуть на объявление о сдаче квартиры, как ты сразу начинаешь размышлять, а хватит ли в ней места для детей.

Я не напряжен. Просто более открытый, чем другие. Не умею ни прикидываться, ни строить из себя пылкого влюбленного. Если человек мне нравится, я прямо об этом говорю или даю понять. И рассказываю, чего жду от жизни. Конечно, моя навязчивая идея стать отцом сказывается на моей готовности к отношениям. Разумеется, я стремлюсь общаться так, чтобы обоим было комфортно. Моим детям нужен уютный дом.

Да, с юности я помню советы о том, как следует добиваться интереса к себе. Противоположному полу нужно демонстрировать безразличие и отсутствие плотских желаний. Почему я должен что-то изображать, если с плотью у меня все в порядке? Зачем три дня дожидаться звонка, только чтобы не проявить своего интереса? К чему скрывать свою симпатию, когда она на самом деле есть?

В юности благосклонностью девушек пользовались отъявленные кретины. Мои романтические увлечения всегда заканчивались фразой «Сами, ты прекрасный парень, но давай останемся просто друзьями». А те пацаны, которые натягивали нос своим подружкам, только приобретали дополнительную привлекательность в их глазах.

Если бы и я согласился играть по этим правилам, то давно уже состоял бы в счастливом браке и добился бы всего, чего хотел. Наверное, мне следовало убить и расчленить свою первую возлюбленную, чтобы за моей дверью выстроилась очередь из претенденток. «С какой обворожительной жестокостью и харизмой ты разделал свою бывшую, я хочу быть твоей, возьми меня в жены, ты такой интересный мужчина».

Я ведь тоже вижу, что у нас с Йенни не складывается. И понимаю, что нам лучше расстаться. Но все равно каждый раз мне больно, когда будущее превращается в прошлое. После короткого разговора ни о чем, Йенни все-таки произносит ожидаемые слова.

– Сами, ты прекрасный парень, но, наверное, нам лучше остаться друзьями.

– Пожалуй. Ты тоже славная девушка.

Мы обнимаемся, скорее, потому, что так принято, чем по внутреннему побуждению. Йенни заранее собрала какие-то мои вещи, остававшиеся у нее. Зубная щетка, книга, кальсоны и пара футболок. Все, что нужно для короткой поездки куда-нибудь на выходные.

На этом уровне мои отношения, как правило, и остаются. «Слетаем куда-нибудь на выходные». Пара хороших ресторанов, достопримечательности, которые нельзя пропустить, все мило, но поверхностно, углубиться не успеваешь. Назовем этот мой роман, скажем, поездкой в Берлин. Париж, Лондон и Амстердам уже были.

Эта поездка оказалась не самой лучшей. Посредственные «выходные». Большие ожидания не оправдались. Разумеется, сравнивать любовную историю с путешествием – клише, а с музыкой – и вовсе пошлость.

Но я не могу избавиться от мысли, что супружеские отношения должны напоминать хорошую песню с таинственным, обещающим началом. Достойные внимания музыкальные произведения всегда предваряет вступление – недолгое пикиканье или загадочная протяжность. Нельзя сразу бросать карты на стол. В песне «Stairway to Heaven»¹⁵ у «Лед Зепеллин» лестница в небо впервые упоминается только минуте на восьмой.

Ни в одной ставшей истинной классикой композиции не переходят прямо к сути. Но я не мог бы писать классику. Поскольку сразу раскрываюсь как человек эмоциональный, который хочет иметь троих детей и дом на берегу озера.

Начинать знакомство нужно с чего-то интригующего. Например, бросить вскользь – «люблю читать эпитафии на могильных плитах» или «честно говоря, мне нравится группа "Ночь"»¹⁶. Что-то безобидное и будоражащее воображение. Но ни в коем случае не депрессивное, типа «в нашем роду все рано умирают от инфаркта». Это вряд ли положительно охарактеризует вас как источник генетического материала для будущих детей.

С Йенни отношения зашли в тупик меньше, чем за полгода. Мы привязались друг к другу, но этого недостаточно. И вот настает минута прощания.

– Сами, ты очень славный. И заслуживаешь гораздо большего.

– Ты тоже. Удачи тебе.

Всегда все заслуживают больше, чем имеют. Редко кто-то заслуживает меньше, чем у него есть. Может быть, в порядке исключения это можно сказать о каком-нибудь оплывшем жиром музыканте, которому досталась хрупкая юная модель. Пожалуй, он действительно заслуживает несколько меньшего. Но, как правило, человек все-таки достоин большего. Вот, например, я.

¹⁵ «Лестница в небо» (англ.) – песня британской рок-группы «Лед Зепеллин» («Led Zeppelin»).

¹⁶ «Ночь» («Yö», фин.) – популярная финская рок-группа.

Наши отношения начались столь стремительно, что им было некуда развиваться. Сжимая в руках собранный Йенни пластиковый пакет с обломками нашей совместной жизни, я, направляясь к дому Маркуса, ненадолго погрузился в воспоминания. Из забытья меня вывел треск мотоцикла. Он напомнил, что мне следует остерегаться будущего, а не предаваться грусти о прошлом.

Зависть охватывает меня, когда я думаю о тех, кто преуспел в личных отношениях. Хотя следует, конечно, радоваться за других. Это ведь так здорово, если кто-то нашел себе вторую половинку. Я много раз наблюдал, как такое случалось с моими друзьями. Когда товарищ приходит на встречу, сияя от счастья. «У тебя новая девушка?» – «Да. И кажется, я искал именно ее. У нас все складывается так легко и естественно».

Почему-то этих женщин всегда зовут Рийкка. Сначала с Рийккой летят на несколько дней в Берлин. Поездка подтверждает первоначальное предположение, что это та самая Рийкка, которая нужна. Потом с Рийккой съезжаются в одну квартиру. Ну и так далее. Почему у других все получается так просто? Где же прячется моя Рийкка?

Я довольно прочно обосновался у Маркуса. Похоже, это всех устраивает. На трудовом фронте я продолжаю сражаться удаленно. Байкеры, по-видимому, это тоже поняли, потому что мой начальник больше не жалуется на то, что они болтаются перед офисом «Анчор Ойл». Несколько раз я тайно пробирался на работу еще до шести утра. Бонусом за свое партизанское поведение я рискую заслужить славу прилежного работника.

Мне на телефон опять стали поступать сообщения с угрозами. Это не скрылось от внимания Маркуса.

– У тебя новая подруга? Сообщения так и блямяют.

– Э-э-э, нет... Это по работе. Коллеги пишут.

Остается только снять шляпу перед упорством мотоциклистов. Довольно часто мой телефон начинает сотрясаться от сообщений с угрозами прямо с утра. Похоже, у байкеров очень напряженный рабочий график. Их ежедневник выглядит как-то так: «7:30 – отправить ссыкуну сообщение с угрозой; 9:00 – ограбление».

Вероятно, я преувеличиваю подвиги байкеров на ниве криминала. Большинство из них наверняка честные любители мотоциклов. Но мне трудно представить вещь, из-за посягательства на которую я устроил бы многомесячную охоту на человека. «Ублюдок, ты помял мой велосипед! Я убью тебя! Урод, ты поцарапал мне мойку на кухне! Гори в аду!»

С другой стороны, я являю собой пример ужасного труса, который боится собственной тени. В вопросах чести мне наверняка есть чему поучиться у своих преследователей.

Что же делать? Сменить номер телефона? Интересно, они могут по местонахождению смартфона найти меня в квартире у Маркуса? Нельзя же из-за моей глупости подвергать его опасности или портить ему жизнь. Но и отключить телефон я тоже не могу; это рабочий номер, и коллеги не поймут.

Маркус сидит дома с младшей. Хелми поправилась, но требование детского сада – оставаться дома «еще один день после того, как исчезнут симптомы болезни». Мне уже и самому хочется подышать свежим воздухом, а детская площадка, к счастью, не то место, где любят проводить время байкеры. Хотя наверняка и у них есть дети – одетые в маленькие кожаные жилеты веселые озорники с бороденками на крохотных мотоциклах.

– Может, мне сходить погулять с Хелми?

– Справишься с ней?

– Ну уж с крестницей-то своей как-нибудь найду общий язык. Ты хоть поработаешь пару часов не отвлекаясь.

В течение получаса Маркус читает мне лекцию об одежде и прочих вещах, которые он упаковывает нам с собой в парк.

– На детской площадке есть туалеты, сводишь ее, если понадобится. Это непромокаемая куртка на случай, если пойдет дождь. Вот, еще я кладу непромокаемые штаны.

Подготовка к двухчасовой прогулке с ребенком напоминает сборы одинокого мужчины в многомесячное путешествие по далекой Азии. Высказываю свои сомнения Маркусу.

– Не многовато ли вещей, чтобы просто заглянуть в ближайший сквер?

– Как отец троих детей одно я знаю точно: с детьми никуда нельзя «заглянуть». Такого понятия просто не существует. Каждый, даже самый незначительный, выход из дома требует подготовки не менее серьезной, чем высадка в Нормандии¹⁷.

– Нам что, предстоит сражение со странами гитлеровской коалиции?

– Страны гитлеровской коалиции – мелочь по сравнению с родителями детей из Эту-Тёёлё¹⁸.

Маркус продолжает паковать вещи и все еще смеется над удачным сравнением с военной операцией. Наконец сумка готова, и мы с Хелми направляемся в сторону ближайшей к дому детской площадки. Я беру ее за руку, когда мы переходим дорогу. Нет в мире прекраснее картины. Взрослый и ребенок, рука в руке. Доведется ли мне когда-нибудь испытать это счастье с собственным отпрыском?

В сквере гуляет пара десятков детей со своими родителями. В основном это мамы, хотя, если послушать всякие официальные речи, отцы в не меньшей степени принимают участие в уходе за потомством. Хелми направляется прямо к знакомой ей песочнице, где другая маленькая девочка строит крепость из песка. Кивком приветствую остальных родителей и, следуя их примеру, усаживаюсь на ограждение песочницы. Красивая мамочка, сидящая в метре от меня, заводит разговор:

– Сколько ей?

Стараюсь судорожно вспомнить, когда же родилась Хелми, и быстро произвожу в уме вычитание. Было бы стыдно осрамиться с самого начала.

– Хелми скоро четыре, в ноябре будет четыре.

– На год старше нашей. Лемпи в декабре исполнится три. Хелми ходит в садик?

– Да, завтра пойдет в сад. Вчера была немножко простужена.

– Сейчас они все в соплях. В какой садик она ходит?

– Да тут... сразу за углом...

Я, хоть убей, не помню названия детского сада, в который ходит Хелми, хоть и забирал ее часто, когда Маркус задерживался на работе. Сказать по правде, сам не понимаю, почему я стал делать вид, что знаю, как он называется. Мама Лемпи приходит мне на помощь.

– А-а, «Птичка»?

– Да, точно.

– Там есть подготовительная группа? Мы думали записать в этот садик Лемпи.

– Вроде бы, пока рано думать.

– Ну да, время еще есть.

– Говорят, надо отдавать в ближайший детский сад. Тогда, если ребенок по утрам капризничает, можно просто завернуть его в одеяло и отнести. Пусть профессионалы успокаивают.

– Ха-ха! Ну да. Хелми в два годика сильно упрямилась? Считается, трудный возраст.

¹⁷ *Высадка в Нормандии* – морская десантная операция во время Второй мировой войны, осуществленная силами США, Великобритании, Канады и их союзников против Германии.

¹⁸ *Эту-Тёёлё* – район в Хельсинки.

– Пожалуй, да... То есть нет. В общем, как обычно. Да у кого из нас не трудный возраст? В мои тридцать девять тоже кризис. Не всегда хочется есть полезные овощи и тащиться на работу. Но меня можно утешить тайской кухней на обед.

Мама Лемпи снова смеется моей шутке. Пока что я неплохо справляюсь. Не уверен, что все в моей болтовне правда, но разве мне когда-нибудь удавалось так непринужденно начать беседу с представительницей противоположного пола? Дети увлеченно играют, а мы с мамой Лемпи беседуем уже целых полчаса. Она переходит к невероятно интересной теме:

– У меня эти выходные свободны, Лемпи забирает ее отец.

Удивительно, как быстро человеческий мозг... Ну, в данном случае мой собственный мозг способен строить воздушные замки.

В мыслях я уже съехался с этой очаровательной мамочкой. Она обладает всем, что мне нужно: уже один готовый ребенок, и дальше появится общий. Выходные старшей девочки мы с ее папашей поделим поровну.

Может ли быть что-то красивее и гармоничнее, чем новая семья, где все живут душа в душу? Через пятнадцать лет раны на сердце от предыдущих отношений уже затянутся, и мы будем встречать Рождество все вместе, еще более широким составом. Папа Лемпи придет к нам на праздник со своей новой женой и их общими детьми. Смех и веселье! Это, конечно же, станет традицией.

Замечаю, что я несколько углубился в свои мысли, одновременно насыпая лопаткой песок в ведро Хелми.

– Хелми с тобой живет?

– Да, со мной... Ну разумеется.

– А как вы поделили выходные? В смысле, когда Хелми бывает у мамы?

– Э-э, довольно-таки поровну. Ну, то есть мама Хелми умерла.

Что? Надо было честно сказать, что Хелми просто моя крестница. Когда разговариваешь глаза в глаза, уже невозможно сослаться на авторедактор в телефоне и объяснить все тем, что он исковеркал твое сообщение.

– Боже, мои соболезнования.

– Спасибо. Ну, что поделаешь. Уж как есть. Да...

До этого момента Хелми не слышала ни одного произнесенного мной слова, но тут крошка уловила то, что я почти шепотом сказал про ее мать, и неожиданно заявляет:

– Мама у себя дома. Или в магазине.

– Да, ребенку ведь трудно объяснить... Мы сказали Хелми, что мама на небесах пошла за покупками в магазин.

– Мама ходит в «Лидл»¹⁹, у нее денег мало.

– Мы объяснили, что небо похоже на «Лидл». Там все вкусно, и можно купить дешево.

Песто и манго. И хумус.

– Мама на выходных придет к нам.

Хелми убегает к сетке для лазания, а мы смеемся в один голос.

– А твой муж? Он жив? Ну, то есть жив, конечно, раз забирает ребенка на выходные.

– Да, вроде как. Он начал мне изменять, когда я еще была беременна. И мы развелись.

Ну да ладно. Он выполняет то, что от него требуется.

Мне удастся перевести разговор на более нейтральные темы. Хелми с головой уходит в игру и больше не обращает на нас внимания. А мне хотелось бы остаться здесь навсегда. Впитывать это ощущение и наслаждаться красотой матери-одиночки, с которой мы только что так счастливо познакомились.

¹⁹ «Лидл» – обширная сеть недорогих магазинов, вышедшая на рынок Финляндии со слоганом «„Лидл” – это дешево».

Но, к сожалению, пора возвращаться домой. Маркус сказал, чтобы мы приходили обедать не позже двенадцати, иначе мне придется тащить на руках плачущего ребенка.

– Нам с Хелми надо идти. Было приятно побеседовать. Вы с Лемпи здесь часто бываете?
– Ха-ха. Каждый день. По утрам. Увидимся.

Когда мы приходим домой, Хелми забирается на колени к Маркусу, заканчивающему разговор по работе. Маркус снимает с дочки верхнюю одежду, отправляет ее мыть руки и обращается ко мне.

– Как погуляли?

– Очень хорошо. Только вот что такое «елда» и еще какая-то «попка»?

– Ха-ха, поздравляю, в нашем полку прибыло. Это бренды детской одежды, кстати, довольно хорошие. Вот этот демисезонный комбинезон – от фирмы «Поларн О. Пирет», сокращенно – «Поппи». Кто это тебя экзаменовал?

– Одна мать-одиночка. Мама Лемпи.

– А-а, понятно. Я ее, наверное, знаю. И как ты, выглядел полным идиотом?

– Да нет. То есть, наверное, да. Всегда попадаю впросак.

После ужина Маркус раздает детям умную электронику. Хелми достается планшет, и она сразу уходит в него с головой. Сюльви получает смартфон Маркуса, а старшей, Сайми, Маркус загружает на телефон при помощи специального приложения один час игры. Квартира погружается в тишину.

– У нас так заведено – по четвергам девочкам отводится час на игры и просмотр ютьюб. За это время я успеваю хоть как-то прибраться и оплатить счета. Драгоценные минуты, когда можно заняться своими делами.

Маркус шутит? «Драгоценные минуты» личного времени для него – это уборка и оплата счетов? Не решаюсь спросить. Лучше помогу ему. Личное время, разделенное с другом, вдвойне прекрасно.

– Я приберусь. Посмотри пока новости. Обычно они такие скучные, что собственная жизнь сразу кажется веселее.

Час проносится стремительно. Время, отведенное на игры, заканчивается, и Маркус предупреждает об этом детей.

– Девочки, осталось пять минут.

– Ну почему так мало!

– Час еще не мог пройти!

– У вас пять минут. Потом займемся тоже чем-нибудь не менее интересным. Можно в «Кимбл»²⁰ поиграть.

Таймер на телефоне у Маркуса пищит, сообщая, что время истекло. Девочки реагируют на это нервно. Одна закрывается с телефоном в туалете. Приложение для родителей отключает телефон у старшей, и ей остается только в бешенстве проорать отцу в лицо:

– Идиот! Я видео не досмотрела!

После двадцати минут яростной борьбы, попыток вырвать электронику из рук детей и невероятных воплей, Маркусу наконец удается отобрать планшет и телефоны у дочек и спрятать их. После этого девочки распахивают шкафы и вываливают все наружу в попытке найти изъятые у них устройства. Проходит как минимум час, прежде чем у последнего ребенка заканчивается истерика, вызванная окончанием «времени перед экраном».

²⁰ «Кимбл» – финская версия американской настольной «игры преследования» «Трабл», вышедшая в Финляндии в 1967 г. и не утратившая своей популярности.

– Вот тебе, Сами, образчик семейной идиллии. Вчера прочел в газете, что от компьютерных игр в особое неистовство приходят мальчики. Так что, наверное, очень даже неплохо, что у нас не родился сын, о котором так мечтала Салла.

В моем детстве мы играли в настольные игры и, как мне во всяком случае кажется, только и делали, что лазали по деревьям. Маркус укладывает девчонок спать. Я пытаюсь найти в интернете какие-нибудь советы, которые помогли бы ему справляться с дочками по окончании отведенного на игру времени. На эту тему множество статей. В конце концов я оказываюсь на сайте какой-то блогерши. Блог называется «Перезагрузка».

О времена, о нравы...

Я решила поговорить на эту тему по просьбам читателей. «Время перед экраном» в наши дни вызывает чуть ли не больше всего раздоров в отношениях с детьми. В нашей семье мы ценим время, проведенное вместе, без смартфонов и планшетов, любим что-нибудь делать своими руками и любоваться природой. Но и у нас, бывает, всплывает в обсуждениях эта тема.

Ребенок может задать вопрос: почему я никогда не играю на компьютере, если у нас в классе все только об играх и говорят? Я не хочу осуждать тех родителей, которые позволяют своим детям сидеть с телефоном или за компьютером с утра до вечера. Они тоже наверняка любят своих отпрысков, хоть и совершают серьезную ошибку. Говорю это не для того, чтобы продемонстрировать, что я умнее всех. Просто хочу попытаться помочь тем, у кого возникают подобные проблемы.

Мне удалось решить вопрос с играми, и я горжусь этим, хотя и знаю, что следующая проблема воспитания не за горами. И еще понимаю, что родитель никогда не должен слишком зазнаваться.

Тем не менее сегодня я как мать испытала некоторую гордость, когда разговор зашел о том, сколько времени ребенку следует проводить перед экраном. Я разрешила детям знакомиться с моим смартфоном по пятнадцать минут в месяц. Все-таки будущее за технологиями, и невозможно спрятать детей от реальности.

На этот раз нашей шестилетке было трудно вовремя оторваться от телефона. Она отказалась его отдавать. Приложение, в котором требуется знание чужих культур, традиций и математики, оказалось таким интересным! Я поступила как обычно в таких случаях – глубоко вдохнула, выдохнула и сосчитала до десяти. Затем сказала мягко, но решительно: «Ты помнишь, о чем мы говорили, когда я рассказывала тебе о воздействии этих игр и видео на неокрепший детский мозг?» Ребенок протянул мне телефон и сказал: «Вот, мама, ты ведь обо мне заботишься, когда ограничиваешь время на игры. Я люблю тебя, мамочка».

У меня слезы брызнули от умиления. Наконец-то я могу пожинать плоды ясного и последовательного воспитания, принятого в нашей семье. И, дорогие мои читатели, помните, что в такие минуты самое время поощрить ребенка. Я дала дочке диетическое печенье из пшена, а себя вознаградила чашечкой соевого латте и кусочком клюквенного торта. Иногда ведь можно капельку согрешить.

Маркусу от этого текста никакого толку. Хотя некоторые читатели и оставили поощрительные комментарии: «Спасибо за совет». Тем не менее рекомендация помогла не всем.

Мамаша под ником Какашка написала: «У нас не сработало. Нашей тоже шесть, и она в такой же ситуации сказала: „Иди в жопу, шлюха!“ По своему опыту могу сказать, что „Фортнайт“²¹ и вправду затягивает».

Блогерша посоветовала и этой читательнице не опускать руки и специально отметила, что в воспитании следует продвигаться мелкими шажками. Книги о Ристо Ряппяйя²², в отличие от игры «Фортнайт», привносят в жизнь детей радость и позитив. Может быть и так. В какой-то момент «шлюха» в детских устах под воздействием прекрасной литературы превратится в «проститутку», а потом постепенно и в «любимую мамочку» – важно только последовательно и неуклонно заниматься воспитанием.

Пусть уж лучше Маркус сам решает, сколько времени давать детям играть и как их воспитывать.

Когда дети заснули, садимся с Маркусом на балконе выпить пива.

– И каково это – быть отцом?

– Ну... Это... Как тебе сказать... Постоянно все вверх дном. И все время боишься, что с детьми что-то случится. Кажется, это невозможно, чтобы все было хорошо. Да так оно и есть.

– И что тебе не нравится?

– Да все как-то не так, как я себе представлял.

– Ты про Саллу?

– Ну да. В одночасье я остался один на один со всем этим хаосом. Мне отцовство виделось совсем по-другому. Думал, буду сидеть летним вечером на берегу озера на камешке с удочкой. Но что-то пока так не получается.

– Может, это еще впереди.

– Или так вообще не бывает.

– Как сложится, так сложится.

– Жизнь – странная штука. Чем дальше, тем яснее понимаешь, что она проходит неправильно. Весь мир сам по себе предсказуем, каждый день на работе распланирован, и любая поездка, и все остальное происходит именно так, как и должно. Но жизнь в целом складывается совершенно иначе. Как правило, хуже, чем предполагаешь.

Мне понятны переживания Маркуса из-за матери его девочек, но кажется, он неплохо справляется. И заслуживает того, чтобы ему об этом сказали.

– По-моему, ты отлично ладишь с девчонками, если не считать попыток ограничить их с компьютерными играми.

– Ну да, пожалуй. Спасибо. В общем-то, это довольно просто. Нужны только еда, любовь и чистая одежда.

– «Елда» и «Попка»?

– Ха-ха. Именно

Тема увлекает Маркуса, и он решает прочесть мне небольшую лекцию о детской одежде.

– Кстати, от этих шмоток есть и польза. На прогулке по одежде можно подбирать подходящую компанию.

– В смысле?

– Ну, по крайней мере, у нас в сквере бренды имеют большое значение.

– Не понимаю, о чем ты?

– У наших детей одежда от двух производителей – «Поппи» и «Рейма». Для людей осведомленных и практичных. Конечно, качество высокое и денег стоит немалых, но приемлемых. «Рейма» еще вдобавок и финская фирма. Так что можно объяснить патриотичностью цену в

²¹ «Фортнайт» – компьютерная онлайн-игра.

²² Ристо Ряппяйя – главный герой серии популярных детских книг Синикки и Тийны Нопола.

сто сорок евро за куртку из гортекса, сшитую на самом деле в Китае. Потом и продать реально за приличные деньги. Особенно если приврать, сколько раз ты ее стирал.

– А при чем тут стирка?

– Каждый раз, когда ты стираешь одежду, ее водоупорные свойства ухудшаются. Обычно верхнюю одежду нужно просто протирать тряпкой, если этого достаточно, чтобы убрать грязь.

Маркус явно разбирается в теме. Мне же всегда казалось, что одежда – это просто одежда.

– Есть еще такие – как правило, они живут в Улланлинна²³, – которые покупают «Мини Родины», «Гуггуу» и тому подобные марки. Это вполне неплохие вещи, но некоторые считают, что они, скорее, свидетельствует не о заботливости родителя, а о его идиотизме.

– Почему?

– Никакой вменяемый человек не станет за сотню евро покупать джампсыют, из которого ребенок вырастет через месяц.

– Какой еще джампсыют?

– Это такая штука, в которую замучаешься запихивать ребенка. Но в целом очень практично. Комбинезон. И наконец, главный критерий – водонепроницаемость.

– Водонепроницаемость чего?

– Всего. Все должно быть водонепроницаемым и надежным. В смысле, верхняя одежда. Должен быть железный баланс между рациональностью и внешним видом. Например, к нам в парк лучше не заходить, если на ребенке «Джонатан», «Боги», «Эйч энд Эм» или «Кубус». В порядке исключения разрешаются «Минни Маус» и «Щенячий патруль», хоть они дешевые и плохого качества.

– Почему же тогда в них можно?

– Ну, потому что они нравятся детям и те их вечно выпрашивают... Но за «Эйч энд Эм» надо не забыть попросить прощения.

– А в нем что не так?

– Экологичность! Не справляются с переработкой. И еще есть бренды, о которых я не могу ничего сказать.

– Это какие?

– Например, торговая марка «Нэйм» – довольно тяжелый случай. В принципе, неплохое соотношение цены и качества, да и выглядят вещи красиво. Но их вечно не найти, когда нужно. Например, демисезонные комбинезоны заканчиваются за два месяца до срока.

– То есть их просто не купить?

– Не совсем так. Если успел их отхватить, то имеешь шанс заработать толику всеобщего уважения – ведь это означает, что ты заранее побеспокоился и сходил в магазин. Быть родителем – значит ловить момент.

Я делаю глубокий вдох и поворачиваю голову. Маркус явно испытывает облегчение от того, что ему удалось облечь это безумие в слова.

– Мне еще многому нужно научиться, чтобы стать хорошим отцом. Кстати, я мог бы и завтра сходить с Хелми в сквер, чтобы, так сказать, продолжить обучение.

– Так Хелми ведь, вроде бы, уже идет в детский садик.

– У нее еще оставались сопли.

– У них всегда сопли. В детсад нельзя идти, если температура. Это еще одно искусство – уметь разобраться в симптомах самому и правильно описать их в садике так, чтобы ребенка взяли. Густые сопли и жидкие сопли – это совершенно разные вещи. Так же, как ночной кашель и дневной кашель. Но про больные уши ты наверняка уже слушать не в состоянии.

²³ Улланлинна – престижный район Хельсинки с дорогим жильем.

Очень даже в состоянии. Мне главное не дать Маркусу свернуть с разговора о нашей с Хелми завтрашней прогулке. В мире есть множество мест, куда не пускают с детьми. Но на детскую площадку было бы очень подозрительно заявиться без ребенка.

И я ведь ничего не знаю об этой прекрасной женщине. Мне известно только имя ее дочери.

– Ты случайно не знаешь, как зовут маму Лемпи?

– Разумеется, нет. Там, на детской площадке, у людей нет собственных имен и даже индивидуальности, они всего лишь папы и мамы. Папа Сьюлви, мама Сийри, папа Лемпи, мама Аарни, папа Валто и мама Кауко.

– Но ведь взрослые там иногда разговаривают друг с другом?

– Да, но только как родители, а не как люди. Будь ты хоть Генеральным секретарем ООН и лауреатом Нобелевской премии мира, если ты ежедневно кормишь ребенка полуфабрикатами – ты чудовищная мать, которая скармливает бедной крошке Онни тонны соли. Я размышлял на эту тему как антрополог. Это напоминает древние времена, когда из суеверия медведя нельзя было называть медведем: назовешь его так, и он утащит у тебя скот. На детской площадке тот же принцип. Не буди на детской площадке зверя, то есть медсестру или главного экономиста. Там другой объединяющий фактор – все мы родители.

– Какое-то безумие.

– Точно. Мы даем там друг другу клички – наподобие индейцев. «Тот, который подсаживает ребенка на турник». «Та, которая кормит дочку полуфабрикатами». «Счастливица, которой ребенок дает выспаться по ночам». «Папаша, который только и думает о своей диссертации».

Я поднимаюсь и начинаю складывать посуду в посудомойку.

– Ладно, пора спать. Для первого раза многовато информации об этом параллельном мире. Спокойной ночи, Маркус. Ты всегда можешь обращаться ко мне за помощью, если что-то понадобится. Пока живу тут у тебя, смог чуть более реалистично взглянуть на свои мечты о большой семье.

– Да в принципе все не так страшно. С детьми важно помнить, что все это этапы развития. Они проходят. И трудный возраст тоже заканчивается.

Маркус подходит к шкафу и достает пакет с чипсами. Он старается не шуметь, но упаковка издает хруст на всю квартиру. Маркус прислушивается, не проснулись ли дети.

– Погрызть чего-нибудь вкусенького – очень успокаивает. Надо только подождать, когда дети как следует уснут. Чтобы не разбудить их шуршащей упаковкой. На вкусное у них особый слух. Производителям тут еще есть над чем поработать.

– В смысле?

– Почему-то всю самую вкусную еду фасуют в шумную упаковку, а полезную – в тихую. То есть можно втайне от детей сколько угодно есть кашу, но попробуй сделать то же самое, скажем, с чипсами или конфетами!

– Мир несовершенен.

– Во всяком случае по части семейной жизни. Спокойной ночи, Сами. Здорово, что ты тут с нами. Это хороший этап в жизни.

Мой нынешний этап жизни, холостяцкий, затянувшийся уже на 20 лет, что-то никак не заканчивается. Я по-прежнему остаюсь мужчиной, мечтающим о создании семьи. Чтобы что-то изменить, на следующий день я, рискуя своей жизнью, выхожу на улицу, невзирая на страх перед байкерами.

Бреду по скверу. Вдруг я неожиданно встречаю Лемпи с мамой и смогу попросить у нее номер телефона? И назначить свидание. Если мы поладим, то она, разумеется, поймет, почему я нагородил эту историю со своим отцовством. И почему врал про умершую маму Хелми.

Запаниковал и удочерил свою крестную дочку. Я серьезно отношусь к роли крестного отца. Это хорошее объяснение. А может быть, и плохое. Но в любом случае единственно возможное.

Я уже по десятому разу обхожу детскую площадку по кругу, но их не видно. Несколько папаш, гуляющих с детьми, подозрительно косятся на меня. Мне ничего не остается, как уйти и позабыть маму Лемпи. Вообще-то, и поработать надо. Не забывая о необходимости сохранить свою жизнь.

К приходу Маркуса с детьми готовлю еду. Накрываю на стол, и мы все вместе едим пасту болоньезе. Мы – как семья. Гармония нарушается, когда в телефоне у Маркуса громко блямкает сообщение. Сьюльви не упускает возможности нанести ответный удар:

– Папа! Телефону за обеденным столом не место!

– Так и есть. За это на сладкое будет мороженое.

– Ура-а-а-а-а!

Дети остаются за столом наслаждаться сорбетом из фруктового сока. Убираю посуду со стола в машину. Маркус хохочет, прочитав сообщение.

– Смотри, что пришло по ватсапу в нашу родительскую группу с детской площадки. Маркус протягивает мне смартфон.

К сведению всех родителей с детской площадки. В нашем сквере снова появлялся извращенец. Возможно, это тот самый педофил, который полгода назад пытался заманивать детей пойти с ним. Мы обсудили ситуацию с мамами Сийри и Матильды и решили, что стоит начать патрулирование сада в часы работы детской площадки. Обо всех подозрительных личностях сообщайте в полицию.

Будьте бдительны!

Папа Вейкко и Аарни

Возвращаю телефон Маркусу. Он явно считает избыточными меры, предпринятые озбоченными родителями:

– Понятно, надо немедленно сформировать народное ополчение.

– Ну конечно страшно, сразу ведь думаешь о собственном ребенке.

Маркус все равно считает, что это уж слишком. А он провел на детских площадках тысячи часов.

Но мне без ребенка туда путь закрыт. Я один. Я сам, и только сам, отвечаю за все свои дела и за то, что заварил эту кашу. Часто пишут, что многим семьям приходится пережить трудные годы, когда подрастают дети. А я вот страдаю без семьи. Может быть, я не один такой? Может быть, просто на разговоры о трудных годах у одиноких людей наложено негласное табу? По крайней мере, я легко в это поверю. Ложь самому себе – самая благородная форма лжи.

Хенна

Загорелые дети с льяными волосами бросаются обнимать свою маму Сини, как только она открывает дверь в квартиру. Доносящийся из кухни аромат возвещает о том, что оставшийся на хозяйстве муж Сини, Яркко, главный врач и по совместительству мастер на все руки, напек целый противень булочек из полезной для здоровья полбы. Их любят и родители, и дети.

«Именно такие моменты объединяют семью, наполняют ее настоящей жизнью», – замечает Сини, снимая в прихожей кожаные сапожки, которые сразу обращают на себя внимание своей стильностью. Она купила их в Милане, решила побаловать себя. А латунная подставка для обуви 50-х годов прошлого века – замечательная находка с «блошиного рынка». Освобождение от сапог – это своеобразный ритуал, который отделяет Сини-блогера от Сини-человека. Теперь с работой покончено, и она на сто процентов мать и жена.

Жизнь преуспевающей блогерши, пишущей на тему здорового образа жизни, и матери двух маленьких детей тяжела, но интересна. «Дети научили меня очень многому. Только они дали мне почувствовать себя полноценным человеком и главное – женщиной», – говорит Сини, улыбаясь и нежно поглаживая по головкам своих безупречно воспитанных детей.

Если где-то и надо думать о том, какие журналы оставлять на столике в холле, то это клиника репродуктивной медицины. Здесь приходится что-то читать, ведь никто не хочет встретиться друг с другом глазами.

Я стараюсь взять себя в руки. «Не нагнетай, Хенна. Все хорошо». Пытаюсь расслабиться. «Ничего страшного не случилось». Не исключено, что я услышу что-то обнадеживающее. Спальня лучащейся счастьем блогерши, пропагандирующей здоровый образ жизни, выкрашена в ультрамодный цвет лайма. Такого же цвета стены и тут, в холле больницы. Может быть, он успокаивает или стимулирует? Во всем есть свой смысл. И в том, что стена цвета лайма, и в том, что у нас никак не заводится ребенок.

– Хейнонен.

Врач расспрашивает меня о здоровье и хронических заболеваниях. Хронических заболеваний нет, если не относить к ним отчаяние. Доктор просит снять штаны. Он осматривает меня изнутри и делает все то небольшое, что в его силах, чтобы мне помочь.

– Вы состоите в половых отношениях?

– Да, в браке.

– Где ваш муж?

– На работе, наверное. Его не очень интересуют подобные обследования.

– Придется заинтересоваться, если он, конечно, хочет стать отцом. Вам уже почти сорок, и это медицинский факт, что с каждым годом у вас ухудшаются шансы на успех.

– Я знаю.

– У мужчин фертильность с возрастом тоже снижается.

Но пофигизм никуда не девается. Я натягиваю джинсы, благодарю врача и обещаю постараться в следующий раз заманить на прием Эсу. Уже открываю дверь, когда врач кричит мне вслед.

– И помните, вовсе необязательно, что у кого-то из вас что-то не так.

Слова доктора эхом мечутся у меня в голове. Да черт подери! Есть в нас какое-то дерьмо, раз функция, обеспечивающая существование всего человечества, не срабатывает именно с нами, хоть мы и из кожи вон лезем ради нее.

Мои замужние подруги пытаются меня утешать. Убеждают радоваться путешествиям, свободному времени, ужинам в ресторанах и всему тому, чего лишили их малыши, явившиеся

в этот мир. Они желают мне добра, но я совершенно с ними не согласна. Я отдала бы все что угодно за утреннюю суету, мокрые простынки, невзгоды переходного возраста и бессонные ночи.

Вчера за обедом замужняя коллега решила подбодрить меня, зайдя с другой стороны. «Если в семье есть дети, это не жизнь, а бесконечный хаос. Ты, Хенна, очень разумно поступаешь, сохраняешь себе руки свободными». Внутри у меня все закипело. Если даже я и рациональна и не выпускаю вожжи из рук, это не означает, что я стремлюсь быть такой.

Я хочу рехнуться на материнстве. Хочу быть нерациональной, трясущейся над ребенком, вымотавшейся от забот сумасшедшей львицей, жизнь которой подчинена безумию. Лучше не спать ночи напролет от любви, чем от жажды этой любви. Я не знаю, чего жду от материнства, но мне кажется, это что-то очень значимое. Почему же ничего не получается? Только бы найти причину, пусть даже это будет болезнь. С ней легче смириться. Обычно болезни все-таки довольно просто лечатся. Врач определяет состояние больного и назначает лекарства или покой. Но тоску по ребенку не вылечишь аспирином.

Когда я прихожу домой, Эса уже приготовил еду. Своим видом он выражает недовольство из-за того, что ему пришлось заниматься стряпней, но я сейчас хочу обсудить более важные вещи, чем песто и козий сыр.

– Я сходила на обследование.

– Хорошо.

– Ну так тебе интересно, что мне сказали?

– Ну да.

– Во всяком случае никаких анатомических или физиологических отклонений нет.

– Отлично. То есть, значит, причина во мне?

– Я этого не говорила.

– Но ты имела это в виду.

– Не имела, но тебе действительно нужно сходить и сдать сперму на анализ.

Эса целиком погружается в разгрузку чистых тарелок из посудомоечной машины и непонятно, слышал ли он, что я сказала.

– Ты слышал?

– Слышал... в смысле, что?

– Так когда ты пойдешь сдавать сперму на анализ?

– Ну, схожу как-нибудь. Но на этой неделе на работе завал.

– Не будь ребенком. Тебе просто надо сходить туда подрочить. Ты сам рассказывал, как вы в армии соревновались в мастурбации – кто быстрее кончит. И скорее всего с твоей спермой все в порядке.

– Ну и зачем тогда идти?

– Надо исключить возможные причины, почему у нас нет детей. И не засирай мне, черт возьми, голову своим цейтнотом на работе! У нас нет и не может быть более срочного дела, чем зачать ребенка. Мне вот-вот стукнет сорок. И хотя Мадонна и прочие гребаные суперзвезды рожают и усыновляют детей даже в пятьдесят, для обычных людей это недоступно.

Эса, ни слова не говоря, уходит в ванную. Уже два года мы всерьез стараемся завести ребенка. И на обстоятельное обследование нам остается не больше года, а может, и того меньше, учитывая возраст. Но когда я намекаю на это Эсе, он злится. Я не хочу загонять его в угол, он не выносит конфликтов. Я заговариваю с ним через дверь туалета.

– Милый, но это же просто формальность. Убедимся, что у каждого из нас все в порядке.

– Если ребенку суждено родиться, он родится. Неужели, черт подери, ты не понимаешь такую простую вещь?

– Нет ничего стыдного в том, чтобы обратиться за помощью.

– Есть!

– И тебе это совсем не трудно. Просто сходишь сдать анализ, и неизвестный тебе лаборант исследует образец.

– Ну посмотрим.

– Я тебя уверяю, что в этих делах женщине все дается гораздо труднее.

– Не все.

– Что «не все»?

– Чувство вины.

Задним умом все крепки. Ну почему, почему мы не заделали ребенка лет десять назад? Сначала нужно было покончить с учебой. Потом – встать на ноги на работе. Предложили грант на два года, потом какую-то временную ставку. Но самой серьезной причиной отложить рождение детей была «жизнь». В смысле, что до рождения детей надо успеть еще и пожить. Интересно, что это значит?

В конце концов Эса соглашается записаться на исследование, но обсуждение этой темы в тот вечер полностью испортило настроение. Тысячу раз я гуглила причины бесплодия. В десяти процентах случаев ее не находят вообще. Стресс особенно мешает зачатию. Или плохие яйцеклетки. Видимо, в этом и дело. У меня плохие яйцеклетки. Звучит красиво!

Сейя

Так, куда я должна отправить эту бумагу? После смерти близкого человека появляется куча хлопот. До самых похорон я только тем и занималась, что бегала из одного учреждения в другое, разнося бесконечные бумажки.

С Мартти в жизни было нелегко, но и после смерти он не дает расслабиться. Оказывается, надо выяснить, не осталось ли у него других детей в придачу к нашим общим. По счастью, нет. Мне, во всяком случае, и своих предостаточно. Не хватает только, чтобы меня избегали и считали сумасшедшей еще какие-то неизвестные мне люди.

Все время одолевают воспоминания. В том числе, и приятные. Мартти не был тем мужем, о котором стоило бы мечтать. Думаю, он был как раз таким, какого я заслужила. Глупо во всем винить другого.

Я аккуратно складываю фланелевые рубашки Мартина в пакет, чтобы отнести в «Красный крест». Многие годы он носил один и тот же фасон. Был похож на Линколу²⁴, хотя природа его не интересовала. Какое-то время Хенна и Сами стали одеваться так же, как и Мартин, вслед за какой-то неопрятной рок-звездой, признававшей только одну единственную полосатую рубашку. Решила позвонить Сами, предложить что-нибудь забрать.

– Я тут собираю отцовскую одежду. Может, возьмешь себе что-то?

– Да нет, это не совсем мой стиль.

– Ну хотя бы на память.

– Я своего старика и без рубашек хорошо запомнил. То есть... Прости, мама. Мне не надо, спасибо. Как ты?

– Я – хорошо. Что мне сделается? Ты бы, может, зашел?..

– Да, при случае. Но сейчас немного занят на работе.

Вот так. Хотя у них и вправду полно дел. Отнесу рубашки Мартина в благотворительный фонд, просто в ящик там положу. Лучше сразу с этим покончить. Вроде ведь, нет никакой такой традиции, через какое время можно отдавать вещи усопшего? Оттуда не возвращаются. Хотя Мартти был таким упрямым, что, чего доброго, еще и заявится.

Удаляю номер Мартина из памяти телефона. Чтобы не было соблазна позвонить ему из магазина, если там не окажется балканской колбасы и надо будет решать, какую купить взамен. Обычно он просил ветчинную, «Готлер». Сама я ни ту, ни другую не люблю. Кстати, теперь можно взглянуть на это по-другому. Ничто не мешает покупать то, что мне самой нравится.

Я все никак не привыкну к тому, что я – вдова. Каждое утро ставлю на стол две чашки для кофе. В магазине набираю слишком много продуктов – я ведь десятки лет покупала одно и то же. И «Хельсингин саномат» по-прежнему делю на две части – сама начинаю читать газету с рубрики «Культура». А Мартти всегда требовал себе страницы со спортом. Не то чтобы культура меня сильно интересуется, просто это уже привычка.

Каждый вечер я стараюсь ничем не прогневать Мартти, хотя теперь уже трудно вызвать у него раздражение. Да, дух Мартина по-прежнему витает в этих стенах. Когда варю кофе, чувствую, как он бросает мне в затылок: «Взрослому мужику можно бы сварить и не такой жидкий». Он всегда об этом напоминал. А когда кофе получался крепким, Мартин выговаривал за расточительность и жаловался, что деньги вот-вот кончатся. Такая была жизнь. Во всяком случае моя жизнь. Постоянный компромисс. Теперь война окончена.

После того как одежда Мартина была вынесена из дома, протерла полки от пыли. Появилось место, чтобы прикупить что-нибудь для себя. Скажем, какое-нибудь симпатичное платье.

²⁴ *Каарло Пейтти Линкола* (1932–2020) – известный эссеист, защитник природы, орнитолог.

Хотя зачем мне в таком возрасте наряды? Может, и не стоит забивать шкафы барахлом, чтобы Сами и Хенне потом не пришлось с ним разбираться.

Скоро, наверное, и моя очередь подойдет. Хотя я совсем не чувствую себя старой. Когда стою перед зеркалом, то, конечно, замечаю в себе что-то от пенсионерки. Кстати, у нас в роду немало долгожителей. Мама прожила до девяноста. И сестры ее тоже. Если из этого исходить, то время еще есть.

Примеряю перед зеркалом свое лучшее платье. Кажется, пока влезаю в него. Только вот стоит ли вдове идти куда-нибудь в таком наряде? Какой смысл? Вешаю платье обратно в шкаф.

Стыдно признаться, но я испытываю облегчение. Должна бы быть разбитой горем заплаканной вдовой, но после смерти Мартти я буквально летаю. И все время ловлю себя на том, что улыбаюсь.

А вдруг жизнь только начинается? Я думала, что она приходит с рождением, но, оказывается, может и со смертью.

Песонен

Я иду в больницу на встречу с маминим лечащим врачом. Перед входом в стационар – дорожные работы, две машины не поделили дорогу и громко сигналият. Водители поносят друг друга на чем свет стоит, и каждый из них уверен, что преимущество проезда именно у него.

Это кипение страстей кажется комичным. И в то же время – вполне разумным. У меня вот нет этого качества – самолюбия. Желания пролезть первым. Урвать что-то для себя. В газетах то и дело обсуждают здоровые и предосудительные проявления чувства собственного достоинства. А у меня оно просто отсутствует. Интересно, это плохо?

Наверно, его можно как-то развить. Иногда я думаю, что мне следует более толково построить свою жизнь, найти женщину и какие-то джинсы попримочней, но я никак не могу определиться, с чего начать. Похоже на игру «камень, ножницы, бумага», которые побеждают друг друга. Но без самоуважения ничего не получится.

Однако сейчас не время рассуждать о любви к себе. Невролог, который наблюдает маму, приглашает пройти к нему в кабинет. После инсульта маму обследовали, оценили ее состояние, провели реабилитацию и свозили к разным специалистам. Я сопровождал ее везде, силясь одновременно понять сложные рассуждения врачей и строение мозга.

– У вашей матери обнаружилось заболевание, связанное с памятью, которое развивалось уже давно. На снимках, сделанных при проведении магнитно-резонансной томографии, видны последствия кровоизлияния в мозг. Это проблемная зона в лобной доле.

Я молча сижу на стуле, и врач дает мне время спокойно собраться с мыслями.

– Это лечится?

– Если заболевание, которое мы с наибольшей вероятностью подозреваем, подтвердится, то лечение не приведет к восстановлению. Хотя симптомы болезни действительно можно облегчить.

Врач излагает скучно, но в то же время его слова успокаивают. Понимаю, что уже на протяжении нескольких лет замечал у мамы нарушение памяти, но пытался отгонять эти мысли. Возможно, я подсознательно сконцентрировался на болезни отца? Ну, хоть какое-то разнообразие. Теперь моя жизнь состоит не только из рака. Панораму дополняет расстройство памяти. Кажется, это называется многозадачность – думать сразу о разном.

Врач подробно расспрашивает о маминих симптомах. Те же самые вопросы он задавал и ей, но мама отрицала все проявления болезни.

– Ваша мать давно страдает мигренями?

– Да, у нее, вроде, бывают мигрени. Но у нас существует неписаное правило не жаловаться ни на какие недомогания, от которых не умирают. Хотя да, она иногда говорила про мигрени. И еще чаще было видно, что они ее мучают.

– А вы не замечали у нее нарушений координации пальцев?

– Трудно сказать. У нас в семье не увлекались рукоделиями, так что особая ловкость пальцев никогда и не требовалась. Пожалуй, иногда у нее что-то падает из рук, но разве не со всеми такое случается?

– Ну... Пожалуй. Хотя я немножко о другом. Это заболевание может развиваться довольно быстро. И наступит время, когда ваша мать уже не сможет справляться сама. Вы ее единственный близкий родственник?

– Да, получается, что так. Братьев и сестер у меня нет, родители в разводе.

– Вам следовало бы встретиться с координатором, занимающимся пациентами с нарушениями памяти. Или с социальным работником. Они вам расскажут о различных вариантах организации ухода в таких случаях.

Доктор советует мне серьезно обсудить ситуацию с мамой и другими близкими. Но чувство личной ответственности – это все, что у меня есть вместо близких. Вернее, остается одна лишь мама. Чем скорее мы поговорим, тем лучше. На прощание врач пытается меня подбодрить:

– Вполне возможно, что ваша мать будет жить еще долго и счастливо.

– Спасибо на добром слове. Это... утешает.

Я не сказал врачу, но задумался, жила ли вообще моя мама когда-нибудь счастливо? Это относится и ко мне. Если заглянуть в какой-нибудь справочник типа «Как устроить свою жизнь?» или руководство по обеспечению счастьем, то, скорее всего, у меня все окажется наоборот. Но я не уверен, что идеальная жизнь на самом деле такая уж счастливая.

Маркус

Сами живет у нас уже так долго, что я даже не стараюсь при нем сдерживаться. Наши обычные вечерние процедуры перед отходом детей ко сну превращаются в дикую свару. Строгим голосом говорю:

– Да черт вас побери, быстро раздевайтесь!

– Папа, не ругайся!

– Это не ругань, а педагогическая терминология. Дьявол! Немедленно доедай свою чертову плюшку и в ванную!

Звонок в дверь, когда я пытаюсь унять ребенка, орущего громче всех, и загнать его в ванную. Сами вздрагивает от звука звонка и прячется в гостиной. Открываю дверь. За ней стоит сосед снизу.

– Мне завтра рано на работу, можно как-то убавить громкость в этом вашем цирке?

– Вы думаете, я не пробовал этого сделать? Поверьте, все, что вы слышите из нашей квартиры, бесит меня в разы сильнее. Пусть вас это утешит!

Я недвусмысленно захлопываю дверь перед носом у соседа. Хотя он, конечно, ни в чем не виноват. Наверняка ужасно жить рядом с нами. Но нам-то самим еще труднее.

После всего этого бедлама я пуще прежнего ору и ругаюсь на детей. Дети и сами понимают, как далеко зашло дело, когда у меня вдруг безудержно начинают литься слезы.

Сюльви и Сайми отправляются делать свои дела, а Хелми подходит и принимается гладить меня по голове.

– Папочка, что случилось?

– Ничего, любимая, ничего. Вы такие изумительные, что иногда я просто не могу сдержаться, ругаюсь и плачу.

– Папочка, а почему ты кричишь?

– Кричу, чтобы успокоиться и больше не кричать.

– Почему ты всегда сердисься?

– Чтобы потом радоваться.

После моей истерики дети ложатся спать более послушно, чем обычно. Сами помогает с уборкой и затем читает Хелми книжку, в которой Сийри находит ракушку²⁵.

Моя ругань при детях начинает давать свои плоды. После вечерней сказки перед сном они хотят обсудить слова, которые я бормотал себе под нос или орал во время эмоционального всплеска.

– Что такое «манда»?

– Ой, это вообще грубое слово, его нельзя говорить. Но оно означает то же, что писька.

– Кто такой «дьявол»?

– Ну, это такой черт. Гнусное существо, которого на самом деле не существует. Такие слова бывает вырываются, когда человеку очень больно.

– Что такое «ад»?

– Там живет черт. В аду очень жарко, он предназначен для плохих людей.

– А-а, это как Пхукет²⁶?

– Смешно. Ну нет, на Пхукете не так плохо. Хотя сейчас, когда ты сказала, я думаю, что, пожалуй, да, только в аду еще жарче. И там нет бара с мороженым. И косички не заплетают.

– Что такое о-о-осподи божемой?

²⁵ «Сийри находит ракушку» – произведение из серии детских книг о Сийри финских писательниц Тийны Нопола и Мерви Линдман.

²⁶ Пхукет – тропический остров в Таиланде.

- Это тоже ругательство.
- А кто такой божеймой?
- Это не божеймой, а «боже мой». Когда обращаются за помощью к богу, говорят «о боже мой!» В общем, я точно не знаю.
- А почему планшет называют «таблеткой»?
- Давай-ка уже спать.
- Ты не любознательный?

Сами с сочувственным видом встречает меня в гостиной, когда я возвращаюсь туда, уложив детей спать. Открываем какое-то ультрамодное пиво, которое опять принес Сами. В изнеможении плюхаюсь в кресло.

- Я самый дерьмовый папаша в мире.
- Я как раз подумал, что ты самый лучший отец в мире. И соседу ответил именно так, как надо.
- Они считают меня буйнопомешанным, который только и может, что непристойно ругаться.
- В смысле соседи?
- Нет, дети. Да и соседи наверняка тоже.
- От детей не надо скрывать эмоции. Да и ругательства они ведь все равно где-то узнают. Это ведь то же самое, что с алкоголем и сексуальными отношениями. Хорошо, когда дома можно поговорить обо всем.

- Не могу понять, почему я превратился в такое крикливое бешеное чудовище.
- Ну, для этого много причин. Ты – герой. Лучший в мире папа. И уж точно не самый дерьмовый. Вспомни хотя бы австрийского маньяка с его подвалом²⁷. Уж он-то стопроцентно папаша похуже тебя.

Мы посмеялись. Да, действительно. Как отец я буду получше этого психа. Если уж сравнивать, то желательно с тем, кому точно не проигрываешь.

Сами по телефону все время приходят сообщения. Сначала я думал, что это выяснение романтических отношений с Йенни. Но они расстались, а телефон продолжает звонить, пищать и блякнать в неурочное время. И это длится уже несколько недель. После каждого сообщения Сами прямо бледнеет.

- Сами, ты мой лучший друг и очень здорово, что ты живешь тут. Оставайся сколько хочешь. Но что это за сообщения?
 - Не обращай внимания.
 - Может, тебе нужны деньги на ремонт?
 - Какой ремонт?
 - Ну, протеч... Погоди, у тебя вообще была какая-то протечка?
- Сами замолкает и делает глотательное движение.
- Я скрываюсь от банды байкеров. Извини. Черт, извини! Я не рассказывал, чтобы не впутывать тебя в это дерьмо.
 - Бандиты-байкеры?
 - Да. Хотя я не знаю, бандиты ли они. Но во всяком случае угрожают меня убить за то, что я случайно уронил их мотоциклы. Вернее, намеренно.

Сами плачет и рассказывает, а я слушаю. Где уже есть трое детей, там и четвертый найдет утешение. Цепь событий настолько невероятная, что это могло случиться только с Самим.

²⁷ Имеется в виду дело маньяка Йозефа Фритцля из Австрии, в течение 24 лет державшего в заточении свою дочь, которая родила от него 7 детей.

Причина – самая трогательная из возможных: дела сердечные. Сами показывает полученные сообщения и объясняет, как он скрывается все последнее время.

– Спасибо, что пустил меня. Я переберусь обратно домой. Будь что будет.

– Ты останешься здесь столько, сколько сам будешь в состоянии терпеть наши вопли.

– Это не вопли, а жизнь. Я никогда не видел ничего более прекрасного с такого близкого расстояния. Утром я наблюдал, как ты причесывал Хелми. Девочка сияла от удовольствия. В иллюстрированном словаре такой картинкой можно объяснить слово «любовь». А моя мышечная возня описывается словом «идиотизм».

Единственное «преступление» Сами – его желание стать отцом. Стоит ли того отцовство? Даже самой примитивной профессии надо учиться, а эта сложнейшая и почти непосильная задача сваливается на плечи дилетантам.

В распоряжении родителя множество способов загубить ребенку будущее. И довольно мало средств гарантировать хоть какой-то успех. Если бы родительство было коммерческим предприятием, оно обанкротилось бы, не дотянув до конца первого же финансового года.

Предпринимательство – в принципе дело нехитрое. Нужно, чтобы денег приходило больше, чем тратилось, прибыль должна превышать инвестиции. Доходы от родительства труднее измерить, однако первые десять лет с детьми – это сплошные убытки. Бывают и хорошие моменты. Но пара трогательных детских выступлений на рождественских утренниках и сочувственная шутка – слабая компенсация за весь тот кромешный ад и хаос, который длится годами.

Все, что может воспалиться, обязательно воспаляется. Уши, горло, бронхи, мочеиспускательные каналы, аппендиксы, отношения между супругами. Почему группы в детских садах, вместо «земляничек» и «черничек», прямо не называют «вшами», «ленточными червями» и «ветрянкой»? Или «вымогателями», «надоедами» и «кривляками»?

Я был преуспевающим специалистом в своей области, но ради семьи мне пришлось отказаться от командировок, и зарплата уменьшилась. Сейчас я настолько никчемный сотрудник, что, будь я работодателем, ни за что не взял бы такого на работу. Кто-то из детей постоянно болеет, другого нужно везти в поликлинику, третьего – на занятия к логопеду, на уроки танцев или еще куда-то.

Когда человек становится родителем, он совершенно меняется. Так и должно быть. Но нужно отличать изменения хорошие и плохие. Я, конечно, и не думал, что все останется прежним. Разумеется, понимал, что должна быть разница. Но чтобы настолько существенная?

Пока не было детей, в отпуске я успевал восстановиться от накопившейся на работе усталости. Теперь все наоборот: восстанавливаюсь на работе от усталости, накопившейся за время отпуска. Принято считать, что на работе устают. Какая глупость! Работа – просто отдушина.

Одно я знаю точно. Взрослый не должен отказываться от себя. На вопрос «как дела?» не следует всякий раз пускаться в перечисление новостей своих детей, используя местоимение «мы». Если я перестану существовать, дело плохо.

Это случилось с моей женой Саллой. Она перестала быть собой. Превратилась в маму Хелми, Сюльви и Сайми. Салла полностью посвятила себя материнству. Но опыт показывает, что не следует посвящать себя чему-либо полностью. Если заикнуться на чем-то, не останется ничего. И вот теперь я тоже на полном газу несусь в ту же стену.

Однако мои заботы отходят на задний план, когда я думаю о ситуации Сами. Надо ему как-то помочь. Знать бы только – как.

Сами

Я испытал облегчение, рассказав Маркусу о своей кошмарной ситуации. Да и с точки зрения безопасности хорошо, что кто-то в курсе дела. Быстрее найдут мой труп.

Маркус хотел позвонить байкерам, но я запретил. Он даже готов оплатить новые мотоциклы для всей этой компании. Маркусу досталось крупное наследство от бабушки с дедушкой. Это невероятно практично. Пожалуй, стоит дополнить «полезные советы» магазинов «Пиркка»²⁸ рекомендацией: «Наследуйте побольше денег – и не пожалеете, ведь жизнь – чертовски сложная штука».

Проблема не в деньгах, а в принципе. И причиной большинства проблем в мире является какой-нибудь принцип. Без принципов мы были бы просто идеальным видом живых существ.

В последнее время я перестал думать о байкерах. Видимо, и страх за свою жизнь обладает свойством притупляться. Мои мысли занимает совсем другое. Я никак не могу забыть одинокую мамашу, сидевшую на краю песочницы. Воспоминание о ней из вечера в вечер крутится в моей голове. К счастью, у меня много крестниц. Я звоню своему однокашнику, у которого дочка примерно того же возраста, что и Хелми. Не думаю, что мама Лемпи так уж хорошо запомнила девочку. Все дети на одно лицо. Детали оседают в памяти через привязанность.

²⁸ «Пиркка» – сетевой супермаркет, публикующий «полезные советы» для своих клиентов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.